

Сеславия Северэлла

12+

ЗАМОК ИЗ ДОЖДЯ

Сеславия Северэлла

Замок из дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33336913

SelfPub; 2022

Аннотация

На улицах Санкт-Петербурга этот рассказ нашептал автору дождь. Когда-то, в начале 19 века, он наблюдал за жизнью баронессы Эльзы Левиной из любопытства, глядя на то, как она преодолевает уготованные ей испытания. У каждой женщины своя история, но не про каждую рассказывают капли дождя. У читателей есть возможность узнать, что может поведать этот немногословный сырой фантазер, когда у него есть желание стать рассказчиком

Содержание

Сеславия Северэлла

Замок из дождя

Май 1828 года. Санкт-Петербург. Шел третий год правления императора Николая I. Война между Россией и Персией закончилась подписанием¹ Туркманчайского мирного договора. Но мир продлился недолго. И к апрелю назрел другой конфликт между Россией и Османской империей, который привел к новой войне, действия которой разворачивались вдали от столицы российской империи. В Санкт-Петербурге же жизнь текла своим чередом и дом баронессы Эльзы Львовны Левиной не был исключением. Слишком размеренная жизнь не тяготила её. Эльза посмотрела вокруг себя. Да, это её дом. Уютный, со вкусом обставленный, и все в нем пропитано теплом и грустью. В войне с французами погиб барон Левин, оставив на попечение жены их сына Евгения. С тех пор прошло шестнадцать лет. Она сидела подле прекрасного фортепиано, томно склонив голову. На нее грустно смотрел золоченный подсвечник. Ей шел тридцать шестой год, сыну – девятнадцатый. Женщина встала и прошла по залу, оправляя складки домашнего платья, и отражаясь зыбкой тенью в старинных вазах. Её узкая тонкая рука взяла со столика на смешных резных ножках приглашение на бал. И, все, как всегда. Все эти матушки со своими

¹ 10 февраля 1828 г.

дочками станут охать и ахать по разным пустякам, болтать о нарядах и женихах, о приданом, и о свежих сплетнях, а ей иногда так хотелось поговорить о серьезных вещах. Хотя, конечно, она немного лукавит, и возможно ей будет с кем обсудить новую историческую драму Проспера Мериме «Жакерия». Эльза любила читать, считая, что там, на бумажных страницах, можно ощутить совсем другую жизнь, так отличающуюся от её собственной планиды². Женщина еще раз окинула взглядом приглашение. А ведь когда-то давно, она так любила танцы, и каждое такое событие воспринималось ею, как большой праздник. А теперь? Где та прежняя девушка, которая с таким упоением когда-то ворвалась во взрослую жизнь? Где она? Эльза задумалась о сыне. Его ждет карьера военного, о которой так мечтал его отец барон Левин. Из пухлого мальчугана Женя быстро вырос в обаятельного юношу. Вырос без отца. Сын так похож на мужа, на её горячо любимого Сашу, но почему-то это вовсе не радовало Эльзу. Напротив, что-то в ней упорно сопротивлялось этому сходству, а ведь она так любила мужа. Но как давно! Первый любящий взгляд, пение дуэтом, прогулки по тихим аллеям, благословение отца, и кроткое «да» перед алтарем. А потом война³, где казалось, её Саша, выживший после Бородино, сможет вернуться к ней, но, увы. Он так нелепо погиб под Малым Ярославцем за день до сражения, нелепо, ненуж-

² Судьба, как правило, несчастливая

³ Отечественная война 1812 года

но. Эльза смахнула непрошеную слезу. Она пойдет на этот бал, и пусть все ахнут, увидев её новое платье, которое она сама сшила одинокими вечерами. Когда каждый шорох или скрип, воспринимается, как подарок, когда душно и хочется бежать или скакать во весь опор в неизвестность, где может быть иная жизнь.

– Подумать только какой-то боцман британского королевского флота Джеймс Уэдделл на бриге «Джен» и куттере «Бофорт» достиг Огненной Земли, – громко говорил пожилой немного обрюзгший мужчина.

– Неравнодушны, вы Андрей Карлович, к Британии. А по мне, так наш Фаддей Фаддеевич⁴, да Михаил Петрович⁵ на шлюпах⁶ «Мирный» и «Восток» утерли нос вашему Джемсу, – парировал граф Протасов, немного его, передразнивая, – не Британия, подданные русского императора обнаружили таинственный льдинный материк⁷.

– Николай Александрович, будем считать, что вы меня убедили. Тем более что я имел честь быть представленным лично Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену, именно в ту пору, когда он уже получил чин капитан – командора, – улыбнулся довольный Шторх.

⁴ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778 г.-1852 г.) российский мореплаватель, адмирал

⁵ Лазарем Михаил Петрович (1788 г.– 1851 г.) крупнейший деятель военноморского флота России, выдающийся мореплаватель

⁶ Парусные боевые корабли

⁷ Антарктида, в качестве имени континента используется с 1890 г.

Этот диалог, как и десяток других, происходил в третий день приема, устроенного женским патриотическим обществом под председательством графини Екатерины Петровны Голенищевой-Кутузовой в доме графини Аделаиды Михайловны Хлюстиной с целью собрать средства для солдат, воюющих с турками. Многие уже вложили свою лепту в благородное дело, происходящее под патронажем самой императрицы. Сегодня на аукцион было выставлено две картины художников-баталистов, одна из которых Адольфа Ладюрнера «Битва при Матаро» была особо ценна для знатоков, некоторые из которых видели эту картину в парижском салоне⁸ еще четыре года назад. Все деньги от продажи должны были пойти на благотворительность. Эльза Львовна вошла в зал, где в самом разгаре шли торги, слишком стремительно для её положения в обществе. Она, конечно же, опоздала, но сделала вид, что это было не намеренно. Первый на кого обратила внимание женщина, был друг её мужа полковник Петр Сергеевич Панютин, который несколько месяцев назад получил должность обер-кригскомиссара⁹. С ним состязался граф Протасов и коллежский советник Денисов. Эти люди были всегда симпатичны ей, и женщина некоторое время наблюдала за азартом, сквозившим в их движениях и словах.

⁸ Регулярная экспозиция парижской Академии изящных искусств, начиная с 1667 года

⁹ Одна из должностей военного комиссариата в русской армии, который осуществлял снабжение войск обмундированием, обозным и лагерным снаряжением, оружием, деньгами на лошадей, управление госпиталями и др.

– Баронесса, мое почтение, – Эльза обернулась на противный голос. Перед ней, сияя лукавой улыбкой, стоял Томас Райт, британский модный гравер и живописец.

– Вы давно не баловали нас своим появлением. Так нельзя. Бал в доме у Василия Дмитриевича Олсуфьева без вас не бал.

– Вы, милостивый государь, что-то путаете. Разве Василий Дмитриевич не живет в своем родовом имении Ершово под Звенигородом? Он редкий гость в столице.

– Ах да, но возможно, на балу у Одоевского без вас было совсем невыносимо, – Райт слыл джентльменом, но его манера вести разговор, вызывала раздражение. Эльза сухо, из приличия, улыбнулась, понуждая себя вести обременительную беседу.

– Меня не было в Петербурге, – Левина хотела ещё что-то добавить, но в этот момент закончились торги, и Панютин немного расстроенный подошел к ней.

– Эльза Львовна, дорогая, обставил меня наш граф, и Ладюрнер теперь его.

Лицо Петра Сергеевича светилось теплом, может быть строгостью, но не чопорностью, что иногда характерно для военных. Райт, не желая мешать, поспешил откланяться. Это неуклюжая ретирада немного развеселило Эльзу. Её серые с голубыми вкраплениями глаза засияли задорными огоньками.

– Вы спасли меня от этого несносного человека, – в голосе

Эльзы прозвучала благодарность.

– Не будьте к нему столь жестоки, может он мечтает написать ваш портрет, – Панютин пытался быть галантным. Между тем многочисленные гости, сделав посильное пожертвование, расходились. Те же, кто остался, ожидали обеда и бала.

– Как Евгений? Не пишет? – продолжал разговор Панютин, иногда невольно засматриваясь на баронессу.

– Пишет. Его лейб-гвардии конно-егерский полк квартирует в Старой Руссе, – в голосе Эльзы прозвучали нотки материнской гордости за сына.

– Слышал, что вы продали одно из своих имений, и пожертвовали эти деньги для солдат, вдов и сирот, – Панютин внимательно посмотрел на Левину, возможно более пристально, чем полагалось для дружеской беседы. Но баронесса старалась не замечать этот настойчивый внимательный взгляд. А, впрочем, что за новость?! Разве она когда-нибудь его замечала. Петр Сергеевич был не дурен собой, на пару лет старше её, подтянутый, ладный, с приятными чертами лица, с красивыми усами, которые очень шли ему, но разве он мог сравниться с её мужем.

– Аделаида Михайловна сообщила? – недовольно поинтересовалась Эльза.

– Вы не должны так расстраиваться, в свете нет тайн. Да и что в том зазорного? – Петр Сергеевич старался произносить слова, как можно равнодушнее, борясь с очарованием

баронессы.

– Я сделала это не для того, чтобы было, о чем поговорить между вистом и покером, – Эльза раздраженно отвернулась от Панютина, и её взгляд упал на изящную юную лет восемнадцати летнюю красавицу с чудными рыжими с золотистым отливом волосами. Розовое платье подчеркивало все достоинства стройной фигуры. Рядом с ней стояла Елизавета Алексеевна Арсеньева.

– Кто это? – спросила Эльза у полковника, повернувшись к нему в пол оборота.

– Где? – уточнил полковник.

– Рядом с Арсеньевой.

– Это княжна Юлия Алаповская, – начал свои пояснения Петр, но осекся и вопросительно посмотрел на Левину, – да вы, сударыня, меня не слушаете вовсе!?

Эльза и правда не слушала. Она смотрела на юную Юлию и вспоминала свою юность, свои наивные мечты и надежды, которые разбились о рифы реальной жизни, оставив на память грусть. Но вскоре всех позвали к столу, и баронесса отвлеклась от своих воспоминаний. Обед прошел скучно, гости обсуждали войну с турками, ругали Хусейн-пашу, надеялись на фельдмаршала Витгенштейна¹⁰, спорили о боеспособности русской армии, вспоминали о французах и Наполеоне. Что касается Эльзы, она не внимала умным и про-

¹⁰ Граф Витгенштейн Петр Христианович (1768 г.-1843 г.) главнокомандующий русской армией в начале русско-турецкой войны (1828 г.– 1829 г.)

странным речам, её мало занимала политика, единственное, что точно знала баронесса – за каждую глупость важного чина, за их интриги солдат платит кровью, крестьянин – животом¹¹. А все остальное жестокое кичливое фрондерство¹². Настоящие же храбрецы и достойные люди никогда не прячутся в роскошных кабинетах, отстаивая интересы Отечества на боле битвы, например, таком, как Бородино, где погибли двое её родственников, и тысячи отважных русских воинов. Княжна же Юлия наоборот жадно вслушивалась в речи за столом. Наконец обед закончился, и можно было пройтись. Мужчины отправились искать удачи в картах. Их жены уселись обсуждать последние новости, а дочери устремились танцевать. Аделаида Михайловна поравнялась с Эльзой. Её круглое лицо говорило, что она милая женщина, но ужасная болтушка.

– Эльза Львовна, я жду вас завтра на закрытие. Будет итальянец, чудный тенор.

– Я приду, может быть, – Левина не знала, чего она захочет завтра.

– Вот и славненько, – Хлюстина улыбнулась.

А между тем, в другом зале начинались танцы. Шума наделал приезд поручика запасного эскадрона лейб-гвардии драгунского полка графа Павла Юрьевича Мелецкого, ко-

¹¹ В значении – жизнь

¹² Стремление противоречить кому-либо или чему-либо, выражать недовольство

торый в свои двадцать шесть лет покорял девичьи сердца особенной тайной, горящей огоньком на дне голубых выразительных глаз. Количество тайных романов, приписанных этому поручику, будоражило женские умы всего Санкт-Петербурга. И каждая такая взбудораженная дама или девица, считала своим долгом придумать дополнительные романтические подробности, передавая очередную сплетню. Число этих подробностей и сплетен было таково, что можно было подумать будто Павел Мелецкий это несколько человек, причем достаточно разных. Княжна Юлия, затаив дыхание, следила за молодым графом в тайной надежде на приглашение на танец. Эльза, заметив всеобщее замешательство, тоже вошла в зал, посмотреть на происходящее из любопытства. Зазвучала мазурка, и все женские взгляды в зале обратились на Мелецкого, желая знать, кого же он пригласит на этот раз. Баронессу не интересовал танец, и поэтому, оценив интригу, скептически глядя на молодого красавца поручика, и на всеобщее ожидание его выбора, она хотела уже уйти, но Павел опередил её.

– Окажите мне честь, баронесса, танцевать со мной мазурку, – голос графа звучал очень уверенно, или даже дерзко. Эльза обернулась и вопросительно посмотрела на Мелецкого. Недоумение и вопрос: «Как вы смее!» – вот её взгляд.

– Помилуйте, граф, – Эльза подбирала слова, борясь с возмущением. Строгий взгляд женщины старался напомнить поручику о приличии и благоразумии. А по залу пронесся

осуждающий шепот, чье-то тихое возмущение. Какой конфуз.

– Я не танцую, и уже уйду, – проговорила Эльза.

– Прошу прощения, баронесса, – Мелецкий с вызовом посмотрел в глаза Левиной, а затем обернулся на любопытствующие праздные взгляды готовых к возмущению людей. Какой дерзкий и необдуманный поступок, и готовая сплетня. Но ему хотелось их подразнить, всех собравшихся в этом зале, и потому он выбрал привлекательную женщину, старше себя по возрасту, чтобы обеспечить будущие скандальные подробности этой истории. Поручик был уверен, что в каждом доме обсудят, дополнят по своему вкусу сегодняшней конфуз. Павел делал это намеренно, но не из тщеславия или гордости, а из самонадеянности и самолюбования, полагая, что подобное поведение сродни храбрости на поле боя, и вызов замшелым суждениям великосветской публики. Тем временем Эльза, воспользовавшись тем, что поручик отвлекся от разговора с ней, ушла из зала, направившись к выходу. Остановилась она только у кареты. Как он посмел! У неё репутация порядочной женщины, а не какой-то кокетки. На балу, при всех, какой неожиданный конфуз. Баронесса, расстроенная медленно садилась в свою карету, не замечая морозящий майский дождик. Возмутительно. Этой публике только и падай повод посудачить, а теперь они не оставят от её репутации камня на камне, посчитав, что у них тайный роман. Карета тронулась, мимо проплывали хмурые улицы,

смятение не покидало баронессу. И Левина приняла спасительное решение, уехать в имение, подальше от сегодня родившейся сплетни.

Тем временем, хозяйка приема Аделаида Михайловна не знала, что и предпринять. Все гости позабыли о танцах, и принялись обсуждать происшедшее, иногда двусмысленно улыбаясь. Больше всех старались записные молодые красавицы, которых обидел выбор поручика. Ça craignait un peu là-bas¹³. Петр Сергеевич подошел к довольному Мелецкому, который стоял у окна и смотрел, как удаляется карета Левиной, казалось, не отдавая до конца отчета в происходящем.

– Граф, позвольте вас на два слова, – обратился к поручику Панютин. Павел обернулся, и смерил полковника довольным взглядом.

– Чем обязан, Петр Сергеевич?

– Что вы себе позволяете, – начал без предисловий Панютин, – как вы своим не позволительным поведением посмели скомпрометировать Эльзу Львовну!

– Приглашением на танец нельзя скомпрометировать? – парировал Мелецкий все еще наслаждался своей выходкой, и её последствиями.

– Вы бросили тень на репутацию весьма достойной женщины! – Панютин еле сдерживался, он был плохим дипломатом, и если бы позволяли обстоятельства, то вызвал бы дерзкого франта на дуэль. Но здесь ситуация была щекотли-

¹³ Там получился небольшой конфуз. фр.

вого свойства. И мужчина решил начать с предупреждения. А, Мелецкий ровно ничего не видел и не слышал, ему было все равно, что сам полковник Панютин перед ним. Павел неожиданно для себя, но с полным осознанием своей дерзости, чинно поклонился Петру Сергеевичу и ушел, вызвав еще большее недоумение. Каков! Только один человек в зале был сражен его поведением, которое снискало ему восхищение и симпатию. Это была княжна Юлия Алаповская.

Баронесса вернулась домой в расстроенных чувствах. Она направилась в кабинет мужа, срывая с себя перчатки, бросая на пол веер, и кольцо из рубинов, душившее её. По дороге Левина захватила с собой подсвечник с зажженными прислугой свечами. Дверь перед Эльзой со скрипом отворилась, и её глаза в огне свечей различили массивный дубовый стол, такое же кресло, образ святого князя Александра Невского в углу, стопку книг на столе, тяжелые темные зеленые шторы, закрывавшие окно, и шкуру медведя на полу. Подсвечник в её руке дрожал, слезы непослушно застывали на щеках. Эльзе вспомнился муж, его задумчивый взгляд, сильные руки и ослепляющая улыбка. Что так встревожило её сердце? Этот поручик? Или его взгляд? Такой восторженный, дерзкий и заинтересованный. Он принес боль и острое чувство одиночества. Левина медленно опустилась в кресло. Расплавленный воск свечей капал ей на пальцы.

Приди в мой замок из дождя,
в котором нет уже меня,

лишь эхо бродит у ворот,
да замер сонный небосвод.
Где отпечаток моих глаз
остался в хрупких зеркалах,
где губ немое оправданье
безверья с верою свиданье.

Икона перед алтарем,
и то, что нам не быть вдвоем.

Память все возвращала и возвращала Эльзе взгляд Павла до тех пор, пока горечь не захлестнула беззащитную душу, и вскоре, в ней в полной мере ожила боль потери мужа. Как он посмел, так жестоко напомнить ей, что она давно уже одна. Эльза горько и безутешно заплакала.

Спустился два дня. Утром, слуга Тимофей доложил своей хозяйке баронессе Левиной, что некто граф Формер Леонтий Потапович просит принять его. Услышав странно знакомое имя, Эльза вздрогнула. Какое-то неприятное предчувствие тенью заползло в её сердце. Но Левина справившись с волнением, поспешила спуститься в гостиную. Она шла как можно медленнее, будто темп шагов мог что-то изменить. Гостиную украшали несколько букетов кислицы, резные мягкие стулья расположились подле стола вместе с тремя изящными китайскими вазами. Декоративные восьмигранные колонны в углах комнаты и между окнами, придавали некоторую строгость помещению, которая, впрочем, скрадывалась мягким светлым ковром на полу. Эльза вошла в комнату, и увидела

свой обеспокоенный взгляд в большом круглом зеркале.

– Баронесса, какая честь для меня, – эти слова произнес слегка металлический повизгивающий голос. Голос принадлежал пожилому мужчине, в глазах которого застыло несмыслимое презрение ко всему, что он видит. Эльза, с трудом выдержала церемонию приветствия.

– Что привело вас, граф, в мой дом? – спросила растерянно женщина.

– Я слышал, Эльза Львовна, от Томаса Райта о ваших непревзойденных познаниях в живописи, и любви к искусству. Осмелюсь, сударыня, предложить вам картину. Пустяк, право слово, но мне приятно сделать вам подарок.

– Подарок? – удивилась женщина. Эльзе представилась ядовитая змея, подаваемая графом Формером в миленькой корзиночке с бантиком. Формер подскочил к двери и от своего слуги принял небольшой в позолоченной раме портрет. Левиной показалось, что пол уплывает из-под ног. На неё с портрета смотрел красавец Павел Мелецкий. У баронессы похолодели руки. Леонтий Потапович кажется, что – то говорил. Или нет? Кланялся, странно улыбаясь? Она приняла портрет? Или Формер положил его на стол? Эльза очнулась от голоса Тимофея.

– Матушка, барыня, чай подавать?

– Да, – тихо проговорила она, глядя на лицо Павла, обнаружив портрет в своих руках. Для неё это было потрясением. Кто он такой, этот Леонтий Потапович? Эльза осмотрелась,

отложив портрет. Визит Формера лишил её покоя. Она пыталась вспомнить, где слышала это имя. Почему-то вспоминалось убийство герцога Беррийского, салон мадам Рекамье, и так называемые друзья истины. Раздумья женщины прервала, вошедшая подруга княгиня Муравлина. Она быстро вошла в дорожном коричневом платье, в котором её полная фигура смотрелась достаточно гармонично. Глаза княгини светились беспокойством, но в целом её черты лица говорили о том, что хозяйка очень заботливая и благородная женщина.

– Лиза, вели укладываться, – без приветствий заявила Ирина, – Евгений ранен. Мы едем к нему.

– О чем ты говоришь? Он же в Старой Руссе, – непонимающе возразила баронесса.

– Это ты так думаешь, – продолжала Ирина, снимая перчатки, – он уже месяц как в составе Дунайской армии¹⁴. Петра Сергеевича благодари. Он посодействовал его переводу в драгунский полк седьмого корпуса под начало самого Михаила Павловича¹⁵. Видите ли, настоящий мужчина должен понюхать пороха, увидеть врага лицом к лицу. Говорила я ему пощади Лизу, чурбан бесчувственный!

– Панютин? – Эльза все еще не верила. – Женя ранен? Но откуда тебе это известно?

¹⁴ Непосредственно участвовала в русско-турецкой войне (1828 г.-1829 г.)

¹⁵ Великий князь Михаил Павлович, младший сын императора Павла I (1798 г. – 1849 г.)

– Мой двоюродный брат известил меня об этом, он тоже служит в этом полку. Он написал, что они вошли в Бессарабию, переправились через Дунай и подошли к крепости Браилов.

– И где теперь мой сын? – произнесла баронесса, готовая расплакаться.

– Где?! В военном госпитале конечно. Его переправили из Бессарабии в Россию. Мой брат распорядился, и нас будут сопровождать.

– Мой бедный мальчик, мой юный герой, – Эльза немного пришла в себя, прижимая руки к груди. Муравлина грустно покачала головой, сочувствуя своей подруге.

Дорога есть дорога. Она всегда оставляет тебя наедине с самим собой. К ней можно стремиться, о ней можно мечтать или не любить, но её нельзя предсказать. Может в этом её прелесть? Эльза следила за мрачным горизонтом, который был виден из дорожной кареты. Путь её лежал в Таганрог в военный госпиталь, куда перевезли её сына. Вот уже неделю шел мелкий дождь. Не холодный, не теплый, он лишал жизнь чувства времени. Ирина читала вслух поэму «Дева озера» любимого ею Вальтера Скотта. Ощущалось особое вдохновение в голосе Муравлиной, заставляющее внимательно ловить каждое слово. Она старалась отвлечь подругу от грустных мыслей, дать ей надежду на лучшее. Но, Левина не слушала. Глухая боль тревожила сердце, любящее материнское сердце. Сын ранен. Её мальчик, её Эжени, непоседа и шалун.

Он всегда был достаточно ловким, великолепно фехтовал, любил лошадей, и в их имении не было никого, кто мог бы сравниться с его умением ладить с этим умными грациозными животными. Саша не увидел взрослого сына. А вдруг и она не увидит его больше? Страх. Он дурной советчик. Нет. Женя не может не дождаться свою маменьку. И она поспешит.

– Лиза! – голос Ирины прозвучал неожиданно. Эльза медленно повернул голову.

– Посмотри постоянный двор. Я проголодалась, да отдохнуть не мешало бы.

– Да. Конечно, – баронесса механически покачала головой в знак согласия.

Карета остановилась, и женщины вышли на улицу. Сопровождавший их поручик, тоже спешил. Он вез почту генерал – фельдмаршалу. Письма были частного свойства, судя по осторожному намеку курьера от жены Витгенштейна Антуанетты Станиславовны. Поэтому у поручика было время сопроводить женщин до военного госпиталя. Постояльный двор был невзрачным домом, который украшали три развесистые яблони, и огромный пень, с сидящим на нем рыжим котом. В это время подъехал ещё один дорожный экипаж, и из него вышла семейная пара. Муж, статный франт с мелкими чертами лица, и особой печатью задумчивости на нем, и жена совершенно очаровательной наружности в черном дорожном платье. Эльза и Ирина уже сидели за чистым сто-

лом, накрытым серой домотканой скатертью, а супруги только выбирали себе место.

– Эльза! – Ирина сняла шляпку, – давай остановимся здесь на ночь. Меня начинает укачивать.

– Хорошо, – Левина смотрела в окно на огромные капли дождя, на хмурое небо, и лицо сына мерещилось ей. Нет, она не корила Панютина, Женя и сам бы убежал в действующую армию. Петр Сергеевич всего лишь облегчил ему задачу. Чей-то громкий голос оборвал размышления баронессы. Он выговаривал хозяину за грязную скатерть на столе.

– Скатерть ему плоха, видно не с той ноги встал, – прокомментировала Муравлина, – какой привередливый человек.

Левина посмотрела на супругов, мысленно улыбнувшись нежности и приятности жены. Но тут она перевела взгляд на мужчину.

– Да что он о себе возомнил! – Ирина возмущалась от души, отвлекая себя от усталости. Мужчина перестал ругаться и посмотрел на Эльзу. Выражение его лица мгновенно изменилось, и потухший скучающий взгляд расцвел удивлением и настороженностью. Слуга поменял скатерть, заново расставляя приборы, мало обращая внимание на оцепенение барина. Муравлина изумленно покосилась на подругу, та спокойно смотрела в глаза незнакомца. Стол был усердно накрыт, и поэтому молчаливый диалог прервался. Левина обернулась на удивленное лицо подруги.

– Ты знаешь его?

– Нет, – спокойно ответила баронесса.

За окном царил дождь. Несмотря на ненастье, чувствовалось, что скоро наступит лето. Эльза и Ирина уже поднимались к себе на второй этаж в снятую на ночь комнату, когда их догнал все тот же незнакомец.

– Простите, моей жене стало плохо, нет ли у вас нюхательной соли? – проговорил он. Левина вытащила из сумочки флакон, и протянула незнакомцу.

– Видите ли, моя жена плохо переносит дорогу. Извините, я не представился. Помещик Вешняков Антон Трофимович.

– Поспешите к своей жене, – недовольно буркнула княгиня Муравлина. Вешняков как – то неуклюже поклонился, и скрылся из вида.

– Не нравится мне все это, Лиза, суетливый какой-то, вспыльчивый, а в целом непонятно что за человек.

– Полно тебе, какое нам дело до него, идем спать, – Левина тоже всем телом ощутила усталость. Да и постоянное беспокойство отнимало много сил. Чем ближе они подбирались к войне, тем чаще попадались им обозы с ранеными, с фуражом и провизией, уланы, драгуны, полковые священники, писари и адъютанты. Эльза забыла о дороге. Она вглядывалась в измученные лица людей, не осознанно ища сына. Ирина устала выговаривать подруге, что так нельзя. Что она в конец измотала себя, что не спит, что возится при случае с ранеными, и спрашивает встречающихся офицеров, ку-

да продвинулась русская армия.

– Наши форсировали Дунай, – повторяла Эльза Ирине, – уже наведен мост, третий корпус занимает Северную Добружу, хотя до Караса и Констанцы. А Женин корпус осаждает Браилов. На, что Муравлиной оставалось пожимать плечами, и помогать подруге. Но однажды рано утром, карета привезла Ирину и Эльзу в Таганрог к госпиталю. Сопровождающий женщин офицер, показал им одноэтажный особняк, неподалеку от строящегося нового каменного собора в честь Успения Пресвятой Богородицы. Левина перекрестилась, обращая внимание на то, что храм был подведен под главный купол, а старую деревянную церковь уже начали разбирать. Офицер попрощался с подругами, и поспешил выполнять своё задание. Зайдя в одноэтажное здание госпиталя, Эльза, с одобрением отметила, что там достаточно чистота и порядок. Когда она подошла к кровати сына, то чуть не разрыдалась. Его лицо показалось ей очень бледным. На груди красовалось бурое в перевязях пятно. Левина смахивала со щек, набежавшие слезы, рассматривая сына.

– Со мной все хорошо. Петр Сергеевич позаботился обо мне, как только узнал о моем ранении, – тихо повторял молодой барон Левин. Разговор был прерван шумом. Это привезли несколько новых раненых. В просторную комнату, где лежал Женя, вошел мужчина.

– Эльза Львовна!? Я не ожидал, что вы с Ириной так быстро доберетесь, – послышался знакомый голос.

– Петр Сергеевич? – Левина обернулась.

– Простите меня, я помог вашему сыну попасть на фронт, – полковник чувствовал себя неловко. Левина отошла от постели Жени и подошла к Панютину. Муравлина осталась стоять рядом с кроватью раненного Эжени.

– Почему, вы? Друг моего мужа, не сказали мне о том, что мой сын попросился на войну? – начала, возмущаясь Эльза.

– Я не считал себя вправе так поступить. Это дело чести, – отчеканил Панютин.

– Дело чести!? Видимо это из-за дела чести вы никогда не рассказывали мне, как погиб мой муж. И что эта за дуэль случилась на войне? – баронесса с укором смотрела на полковника.

– Вам не к чему знать подробности, – Петр Сергеевич всем своим видом показывал, что не желает это обсуждать. Мужчина был непреклонен, глядя спокойным взглядом на взволнованную женщину.

– Вот как! Отчего же вы полагаете, что жене не пристало знать о последних минутах жизни её мужа? – Левина злилась. Панютин промолчал, поглядывая на Женю.

– Извините меня, баронесса. Но у военных свои правила.

– Почему, Петр Сергеевич, судьба посылает вас в скорбную минуту к тем, кого я люблю? – почти ненавидя полковника, проговорила Эльза.

– Все будет хорошо, Эльза Львовна. Я привез разрешение, увезти Женю в ваше имение, чтобы продолжить его лечение.

Доктор говорит, что ранение не тяжелое. Он поправится, и довольно скоро. А теперь, если вы не возражаете, разрешите мне откланяться.

Эльза приняла бумаги, глядя, как Панютин склонил голову и пошел навстречу лекарю, и двум его помощникам, которые осматривали и размещали вновь привезенных раненных.

– Бездушный солдафон! Фельдфебель со шпигрутенами¹⁶! – прошипела баронесса, вытирая батистовым платком очередную струйку слез, наблюдая за тем, как лекарь и полковник что-то обсуждали в дальнем углу помещения.

А тем временем Павел Мелецкий, получив короткий отпуск, спешил в имение к матушке. За несколько дней, перед своим отъездом он зашел к своему знатному родственнику тайному советнику и весьма влиятельному лицу графу Нелединскому. Впрочем, это посещение было ему в тягость. Дядя Жорж, как называл его сам Паша, отчитал его за скандал на балу, за не позволительное поведение, не принимая во внимание никакие доводы. Он хотел помочь переводу Павла на фронт, но передумал. И вот, наконец, и свобода. Ею повеяло по дороге домой, когда показались пять дубов на холме, и пастухи, стерегущие там господское стадо. Все стало на свое место, будто и не было по-иному, словно вечность застывала каплями свежести на стеблях трав. Скрип колес брички те-

¹⁶ Металлический шомпол к дульнозарядному огнестрельному оружию, применяемый также для телесных наказаний

рвался в дали. Жаворонка глас говорил о начале лета, о жизни, и о возможности полета. Время стремилось к полудню. Любимый дом встретил Пашу поклонами яблонь и груш, лаем борзой и песнями дворовых с кухни. На веранду выбежала девочка подросток, лет двенадцати.

– Молодой барин! – воскликнула девочка, перестав подпевать. – Пелагея Павловна! Барыня! Сынок ваш приехал.

Барыня вышла как всегда, не спеша с достоинством высокогородной богатой все ещё очень красивой пятидесяти пятилетней дамы.

– Матушка! – Павел пал перед ней на колени, и целовал руки, пахнувшие розовым маслом.

– Явился. Почто не отписал, что будешь?

– Хотелось сделать тебе сюрприз.

– Внезапность, друг мой, хороша на войне, а не дома. Полно встань. Дунька! Поставь ещё один прибор.

Павел сел в любимое, плетеное кресло, к нему подбежал вислоухий щенок, и уткнулся в сапог.

– Раз ты приехал, – продолжала Пелагея Павловна, поедешь со мной в гости. Княгиня Ачинская Таисия Прохорова приглашает нас к своему куме на недельку, другую пожить. Может, оженю тебя непокорного.

– За что, маменька? – недовольно проговорил Мелецкий.

– Вчера принесли письмо от графа Нелединского. Он мне все отписал в великих подробностях. Сплетен о тебе ходит, хоть французские романы пиши. А теперь и вовсе, что уду-

мал. Младые девицы надоели, на честную вдову заглядываешься. Дерзок ты у меня, хоть и красив, – любящий взгляд матери стал суров и неумолим.

– И ты знаешь, кто она? – осторожно поинтересовался Павел.

– Да. У неё самой сын взрослый. Кстати, насколько мне известно, приглашена и княжна Юлия Алаповская. И я настаиваю. Слышишь. Настаиваю на том, чтобы ты был предельно любезен с ней.

– Как угодно, – Павел понимал, что спорить с матерью бесполезно.

– Да мне угодно. Отец твой, если бы был жив никогда не потерпел бы такого поведения. Он слыл человеком строгих правил, и геройски погиб на поле боя в войне с Наполеоном, – Пелагея Павловна села за стол, переводя разговор, – а теперь многое не так, измельчали людишки-то. Представляешь, третьего дня у нас в бане разобрали трубу, унесли вьюшку, рамку с дверцами и кочергу. Пришлось делать розыск.

Но Мелецкий уже не внимал матери. Его мало заботило предполагаемое мнение его погибшего отца, и то обстоятельство, что он стал персонажем очередной сплетни. Для него это был вызов, сродни атаке в бою, сможет он или нет подразнить этого монстра под названием великосветское общество. О том, что будет с репутацией баронессы Левиной, он не задумался ни на мгновение. Подумаешь, поговорят и забудут.

Баронесса одинока, слывет затворницей. Внимание такого, как он амурное приключение для неё и отрада. Что с ней станется? Хотя, конечно, она рассердилась, и кажется непроступной. Павел мысленно улыбнулся. Она не может не понимать, что запретный плод сладок, и потребуется смелось, чтобы дотянутся до такого плода. Интересно, куда делся его портрет? Такая странная кража из дома художника Райта. Портрет был уже почти написан. И Павел готов был заплатить за работу. Но тут случилось непонятное. Может это и не кража. Прохвост Райт продал видно картину какой-нибудь его тайной воздыхательнице. Павел поморщился. Ему вдруг захотелось, чтобы баронесса Левина, эта строптивая, но притягательная женщина владела этим художеством, которое Райт клятвенно обещал написать заново, как только у него будет время.

Июль 1828 года. Имение баронессы Левиной. Эльзе удалось в своем имении под Псковом выходить сына. Женя Левин активно поправлялся. Такое испытание не прошло для него даром, а послужило к его возмужанию. Она никого не подпускала к нему, доставалось даже лекарю, выписанному из Санкт-Петербурга. Мало спала, никуда не выезжала, и виделась только с Ириной подругой и соседкой. Княгиня Муравлина часто заезжала к ней с двумя дочерьми Верой и Анной. Вот и сейчас они все сидели в большом зале с настезь распахнутыми окнами. А семнадцатилетняя Анна играла на стареньком фортепиано. Евгений довольный

расположился в кресле, укрытый пледом, и гладил котенка. Пятнадцатилетняя Вера уплетала пахучие пирожки с чаем. Между тем Муравлина с радостью замечала, что подруга наконец-то успокоилась и повеселела.

– Коль скоро Женя вполне здоров, приезжайте завтра к нам. Я пригласила к себе гостей и даю по этому поводу прием. Надо же нашу молодежь немного развлечь.

– И кто будет? – спросил Женя.

– Княгиня Ачинская с мужем и сыном, княжна Юлия Алаповская с бабушкой, несколько соседей помещиков с семьями, граф Елизаров приедет, и не обижайся, Лиза, я написала Панютину, и мой слуга отвез приглашение ему. Пусть немного отдохнет от войны, раз он находится в Старой Руссе по казенной надобности. Надеюсь, он прибудет завтра. Во всяком случае, он передал моему слуге на словах, что принимает мое приглашение, и имеет возможность немного погостить у меня.

Когда-то давно баронесса была в доме матери Петра Сергеевича в Старой Руссе, и знала, что полковник любил там бывать насколько можно чаще, особенно когда казенные дела давали ему эту возможность. Но сейчас Эльза пропустила слова Ирины мимо ушей, она уставшая и довольная, и ей было все равно, пусть хоть дюжина Панютиных ждут её впереди. Самое главное свершилось, сын жив и вполне здоров, а все остальное неважно. Баронесса не была злопамятной, и потому обида и разговор, состоявшийся в госпитале в Таган-

роге, стал ею понемногу забываться.

В назначенный день дом Муравлиных был готов принять гостей, хотя он и без того славился на всю округу своею роскошью, и изысканностью. День выдался знойный, но хозяйка, несмотря ни на что, беспрестанно хлопотала, чтобы все получилось наилучшим образом. Князь Павел Федорович Муравлин находился вот уже год за границей по казенной надобности, но регулярно слал своей жене письма и подарки. Один из них и привез граф Роман Данилович Елизаров, светлый улыбчивый мужчина сорока лет. Эта была изящная фарфоровая статуэтка. Вера, схватив её, носилась по комнатам, никому, не показывая отцовский подарок. Все окна были распахнуты, и на веранде накрывали стол. А Ирина, стоя у окна, следила, как съезжаются гости. Зал в доме Муравлиных заставлял вспомнить об античном мире, как только взгляд падал на лепной потолок и канделябры с позолоченными нимфами. Несколько выписанных из столицы музыкантов настраивали инструменты, но им упорно мешала Анна, игравшая шутивную мелодию на старой испанской гитаре отца. По дому веяло запахом кулебяки, пирогов, стерляжьей ухи, и жареной утки. Первыми приехали Ачинские и Алаповская с бабушкой, за ними Мелецкие. И дом оживился, загалдел разговорами и смехом. Затем приехавшие семьи соседей помещиков добавили человеческого шума. Когда к дому Муравлиных подъехала красивая рессорная бричка, из неё вышел Панютин, и осмотрелся. Первое, что он увидел у

входа в дом, ведущих беседу Юлию и Веру. Поручик Мелецкий стоял поодаль, опиравшись на массивный ствол березы, молча наблюдая за тем, как съезжаются гости. Петр решил не поминать старого, и направился на веранду, к графу Елизарову, декламирующему всем новую элегию Языкова¹⁷.

– Не улетай, не улетай, Живой мечты очарованье! Ты возвратило сердцу рай – Минувших дней воспоминанье, – стихотворные строки радовали слух присутствующих. Пока вечер складывался удачно. Ирина довольно поправляла прическу, однако, отчего же не едет Лиза. Хозяйка дома начинала беспокоиться за подругу. Юлия, по возможности, исподволь смотрела на Павла, пока вела светскую беседу с Верой. Она чувствовала в этом человеке натуру, которая была очень ей созвучна. И это завораживало юную особу, притягивало и манило, давая пищу для дерзких желаний. Одним словом, каждый нашел себе праздное занятие по душе. Наконец приехали Левины. Первым перед гостями предстал бодрый возмужавший Евгений в драгунском мундире, за ним не спеша, следовала Эльза в прекрасном светлом атласном платье, затканном цветами.

– Ну, вот и чудно, – проговорила воодушевленная Ирина Михайловна, – а теперь, господа, пожалуйста за стол. Анна, зови свою сестру, Юлию и Павла.

Павел вошел последний на веранду, где все уже сидели за столом. Он помог сесть на стул княжне Юлии, а сам незамет-

¹⁷ Николая Михайлович Языков (1803 г.-1847 г.) – русский поэт

но вглядывался в лица гостей. И тут он понял, что полковник Панютин наблюдает за ним. Мелецкий несколько замешкался, и неуклюже плюхнулся на стул подле княжны Алаповской. Пелагея Павловна неодобрительно постучала ручкой ложки по столу. Атмосфера была немного напряженная, но запахи вкусных блюд, заставили гостей побыстрее начать трапезу, и обычные разговоры.

– Петр Сергеевич, говорят фельдмаршал Витгенштейн¹⁸ в немилости у Дибича¹⁹. Всем известно, что Иван Иванович пользуется неограниченным доверием нашего императора. И успешно руководит военными действиями, – начал один из приглашенных помещиков.

– Крайне опасная не милость, – поддержал разговор князь Ачинский, – генерал Дибич у нас любимец императора.

– Не стоит обсуждать слухи. Война всегда сложнее разговоров за обедом, – вступил в разговор полковник Панютин.

– Помилуйте, ну как же без слухов. Ведь дыма без огня не бывает. Говорят, переправу через Прут у Скулян с треском провалил Заводовский, – продолжал Ачинский, – и наши доблестные войны вынуждены были мостить гать в пять верст у Сатунова, чтобы исправить положение.

¹⁸ Граф Пётр Христианович Витгенштейн – главнокомандующий русской армии в начале русско – турецкой войны (1828 г.-1829 г.)

¹⁹ Граф Иван Иванович Дибич-Забалканский – доверенное лицо император Николая I, в начале 1829 г. назначен главнокомандующим русской армии в русско – турецкой войне (1828 г. -1829 г.)

– Иван Иванович Заводовский²⁰ храбрый и опытный воин, а то, что он упустил время не его вина, – прокомментировал полковник Панютин, – одно то, как его флотилия, войдя в Мачинский рукав Дуная на расстояние картечного выстрела, уничтожила османов и захватила двенадцать судов, достойно государевой похвалы, и воинской славы.

– А, вы, что молчите, наш юный герой? – обратился к Евгению князь Ачинский.

– Война не тема для разговора за столом, – произнес Женья, пытаясь походить на Панютина, который ему всегда нравился.

– Bravo, барон, вы утерли нос всем нам. Однако, следует ли расценивать ваши слова, как не желание говорить о судьбоносных событиях для нашей Державы? – парировал князь Ачинский.

– Полно тебе, – примиряюще проговорила Таисия Прохорова. Но князя было не остановить.

– Нет, я хочу знать, чем живут наши молодые умы.

– Вы жаждете, князь, – вмешался Павел, – за стерляжьей ухой поболтать о планах и исторических действиях. Не кажется ли вам, что подобный разговор уместен в императорском кабинете в час, когда народ ждет высочайшего решения. Пустая болтовня от скуки делает умы праздными и готовыми к бездумному осуждению. От того и терпим мы неудачи в го-

²⁰ Иван Иванович Заводовский (1780 г. -1837 г.) – русский контр-адмирал с 1828 г., кругосветный путешественник

дины войн, что пустые рассуждения переходят из-за поместных столов в кабинеты тех, кто должен принимать твердые и разумные решения, а вместо того досужие домыслы несведущих людей мешают простым и оправданным действиям, которых требует воинский долг и доблесть.

Присутствующие переглянулись и воцарилось молчание. Даже Эльза, перестала жевать, и с неподдельным интересом посмотрела на Мелецкого, от чего Панютина посетила гостеприимная ревность. Княгиня Муравлина, желая избежать неловкого молчания, подозвала Анну, попросив её спеть.

– Господа, – Ирине Михайловне хотелось поскорее прервать напряженную тишину, – моя Аня споет вам романс.

– Просим, Анет, спойте ваш любимый, он так прелестно звучит под гитару, – подхватила Таисия Прохорова. Анна воодушевлено пробежала тонкими пальцами по струнам и запела, глядя влюбленным взглядом на Женю. Павел, чувствуя себя неловко, вышел из-за стола, и поспешил на улицу в сад, за ним сорвалась Юлия.

– Павел Юрьевич, погодите!

Мелецкий остановился подле беседки, затерявшейся в кустах сирени.

– Ваша речь восхитительна! – княжна Алаповская не могла скрыть своих чувств. – Я и не подозревала в вас столько смелости и прогрессивности взглядов.

К беседке подошел молодой Левин.

– Павел Юрьевич, примите моё восхищение, ибо вам уда-

лось выразить то, что чувствую я, – Евгений, протянул свою руку, состоялось крепкое рукопожатие, – я почел бы за честь быть вашим другом, – продолжил юный барон Левин.

– Как вам будет угодно, – не ожидая таких похвал, смутился поручик.

Тем временем князь Ачинский возмущался не долго. Когда обед закончился, Елизарову все же удалось успокоить князя, и увлечь предложением, сыграть в карты. Ирина Михайловна, Таисия Прохоровна и Пелагея Павловна уселись в кресла в саду посудачить о жизни. Анна, Вера и Яков Ачинский пытались разучить забавную песенку под гитару. Эльза осталась на веранде, наблюдая, как прислуга убирает со стола и ставит приборы для чая. Панютин, унимая волнение, подошел к ней. Полковнику иногда никак не удавалось победить в себе некую робость при общении с баронессой. Бывало, все же он выходил победителем, а порой проигрывал с позором.

– Я долго думал, – начал Петр, собираясь с мыслями, – и решил подтвердить ваши домыслы баронесса.

– Какие? – удивилась Эльза, глядя широко распахнутыми красивыми глазами на полковника.

– По поводу смерти вашего мужа на дуэли, – уточнил мужчина.

– Так это правда!?! – баронесса с недоверием посмотрела на полковника.

– Да, – сухо подтвердил мужчина.

– Но из-за чего? – Эльза не могла поверить в слова Панютина. – Должны быть веские причины, побудившие Сашу драться на дуэли во время войны. Что же это?

– Могу сказать лишь одно, поскольку я был секундантом барона, поединок прошел по правилам.

– Я должна радоваться, что моего мужа убили по правилам? – Эльза чуть не задохнулась от возмущения. – Согласно кодексу чести! А Женю? Его тоже должны убить по неведомым мне правилам?

Поведение Панютина, и эта несносная таинственность, сквозящая в его голосе, раздражали Эльзу. Полковник опустил взгляд, поклонился, всем своим видом показывая, что разговор окончен, и направился к Елизарову и Ачинскому.

– Пойдите! Объяснитесь! – только и успела выкрикнуть Левина в след удаляющемуся мужчине. Эльза подошла к открытому окну, она была в смятении, настолько, что не услышала шагов Пелагеи Павловны.

– Эльза Львовна, могу я с вами поговорить, – настойчиво произнесла графиня Мелецкая.

– О чем? – Левина непонимающе посмотрела на красивую женщину.

– О моем сыне. Вы тоже мать, вы поймете мое беспокойство.

– Извольте, – нехотя ответила Левина.

– Я знаю своего сына, он благородный и увлекающийся молодой человек, щедрый на чувства, и не терпящий полу-

тонов. Если он позволил себе переступить приличия в своем поведении, значит, на то нужна не просто прихоть, а серьезная увлеченность вами.

– Увлеченность? Нет никакой увлеченности. Это всего лишь недоразумение, происшедшее на приеме, устроенном женским патриотическим обществом. Всем известно, как рождаются сплетни, – Левиной не хотелось оправдываться, поскольку она чувствовала свою абсолютную невиновность.

– Это вы так думаете, Эльза Львовна. Я мать, я знаю, что мой сын испытывает к вам романтические чувства. У вас тоже сын, и вы вряд ли бы одобрили его увлечение женщиной, которая старше его.

– Хочу вас заверить, что я не давала вашему сыну ни малейшего повода строить какие-либо планы на мой счет, – баронессе хотелось поскорее закончить неприятный для неё разговор.

– Извините, Эльза Львовна, – Пелагея Павловна смягчилась, вполне удовлетворенная словами баронессы, – пойдёмте, кажется, начались танцы.

Танцы действительно начинались. Эльза первая вошла в зал, и увидела сына, танцующего с Юлией, Анну и Павла, Якова и Веру, Романа Даниловича и Ирину, чету Ачинских, и несколько других гостей. Левина хоть и была немного расстроена, решила выдержать характер, она заставила себя улыбнуться, и согласилась танцевать с одним из местных помещиков. Внешне баронесса была весела, а душа хотела

остаться наедине со своими думами. Эльза плохо осознавала, как и когда все закончилось, только осознала она это в бричке подле замечтавшегося сына по пути домой. Кучер напевал веселую песню. А Эльзе хотелось тихо грустить о своем. И её разум опять обращался назад, к барону Левину, по которому она до сих пор тосковала.

– Матушка! – Евгений прервал мысли Левиной. – Как ты находишь княжну Юлию?

Этот вопрос застал женщину врасплох.

– Княжну? Я полагаю, она достойная девушка, – ответила Эльза то, что первое пришло ей в голову.

– Матушка, я так очарован ею, что хотел бы ... может это поспешно ...

Эльза поняла намерения сына, но она вовсе не была готова, дать этому какую-то реальную оценку.

– Одним словом я мечтаю видеть её своей невестой.

– А она? Отвечает твоим порывам? Или ты самоуверенно полагаешь, что это не важно?

– Отнюдь. При первой же возможности, я объяснюсь с ней. И ей придется ответить на мои честные намерения, – гордо заявил молодой Левин. Левина неопределенно пожала плечами, а Женя погрузился в свои сладостные мечтания.

Павлу не спалось, он бродил по ночному саду Муравленых словно тень, в то время, как хозяева и некоторые оставшиеся гости спали. Одно занимало его мысли – баронесса Левина. Молодой поручик был самоуверен по части свое-

го права нарушать правила приличия, воспринимая это, как вызов, и как игру одновременно. История с дерзким приглашением на приеме женского патриотического общества не принималась им в расчет, как повод для раскаянья. Он не чувствовал своей вины. Но с того самого дня он осознал, что увлечен своими эмоциями к Эльзе Львовне, и она должна понять и оценить это по достоинству. Все в ней восхищало молодого мужчину: красота, грация, отсутствие всякого кокетства и фальши. Возможно, в последние несколько дней он придумал для себя некий образ, которым страстно увлекся, но этот образ получил имя баронессы Левиной. Павлу безумно хотелось быть с этой женщиной, наплевав на условности. Одно огорчало Мелецкого, мать, ставшая на пути его мечты, и нравившаяся ей княжна Юлия. Ластится точно кошка, мурлычет, заглядывает в глаза, не отходит ни на шаг. Возможно княжна была достаточно красива, но слишком доступна для того чтобы грезить о ней, и желать её себе в жены. Павлу нужно было амурное приключение сродни военной победе, а Юлия не могла ему дать таких эмоций, и потому была не интересна. Мелецкий сел на лавку в саду, немного посидел, слушая ночную темноту. Потом вскочил, добежал до конюшни, вывел первого попавшегося коня, и понесся на волне своего сладострастного порыва.

Эльза сидела на подоконнике открытого окна в домашнем платье, и при свете свечи вышивала. Это занятие всегда успокаивало баронессу. Слух её различил странный шум, за-

тем лай собак, который вскоре стих. То, что Левина увидела под своим окном, поразило её настолько, что она не могла ничего сказать. Павел, разгоряченный ездой верхом, улыбался, стоя с огромным букетом наскоро сорванных полевых цветов, которые он протягивал баронессе. Левина отложила рукоделие, и приняла терпкие пахучие травы. Мелецкого очень порадовала такое совпадение, что баронесса тоже не спит, и он в самоуверенности любовного очарования, считал, что это благоприятное для него совпадение.

– Павел Юрьевич, – Эльза наконец обрела дар речи, – я приму ваше подношение, но обещайте мне, что подобное не повторится.

Павел мгновенно перестал улыбаться.

– Не могу, – он опустил голову. Это была неожиданная пощечина для самолюбия молодого мужчины, который привык к постоянному женскому вниманию.

У Эльзы сжалось сердце от жалости. Ей не хотелось ранить этого человека, не смотря на его несносное поведение.

– Не тешьте себя пустыми надеждами, Павел Юрьевич. Вы должны понять, что между нами ничего не может быть, – произнесла достаточно уверенно баронесса.

– Вы сами так полагаете или моя матушка настаивает на этом? – Мелецкий поднял голову и дерзко посмотрел на Левину.

– Что вы себе позволяете! – возмутилась Эльза. – Я не обязана давать вам какие-либо объяснения.

Левина выбросила букет на улицу, закрыла окно, и наглухо задвинула штору. Мелецкий наклонился, чтобы поднять один единственный цветок, и пошел прочь, обиженный, но понимающий, что крепости не берутся быстро, нужна основательная осада.

Днем Левина села перебирать старые бумаги мужа, стараясь забыть о разговоре с Мелецким. Она, как мать и разумная женщина, считала это увлечение не уместным. Но баронесса вовсе не собиралась быть жестокой. Пока она раздумывала, её руки раскладывали на зеленом сукне стола желтую стопку бумаг. И первое, что увидела изумленная Эльза, это мятый конверт с надписью по-французски: графу Формеру Л.П. в собственные руки. Баронесса не поверила своим глазам. Женщина быстро вытащила конверт из-под перевязи, и заглянула в него. Пуст. Её руки судорожно перебирали остальные бумаги, безрезультатно.

– Мама! – в кабинет вошел веселый Женя. – Ты не забыла, что мы приглашены на обед к Муравлиным.

– Да, я помню, – в задумчивости произнесла Левина, держа в руках пожелтевший конверт. Евгений остановился напротив портрета отца.

– Право, я похож на батюшку. Здесь ему столько же лет, сколько и мне сейчас.

– Да, да, – механически подтвердила Эльза, глядя на надпись на конверте. Молодой Левин довольно улыбнулся, и ушел переодеваться на прием.

Очередной обед у Муравлиных состоялся в саду. Часть гостей разъехалась. Евгений уселся подле смущенной Анны, которая тихо переговаривалась с Верою, и украдкой поглядывал на красивое лицо Юлии Алаповской, сидевшей напротив него. Ирина Михайловна, как всегда постаралась накрыть щедрый стол, развлекая присутствующих разговорами. Но Муравлина с огорчением замечала, что подруга совсем не слушала её, а о чем-то думала. Ирина, как сердобольная милая женщина, иногда слишком переживала за Эльзу, как и в этот раз. Было видно, что если кто-то обращался к Левиной, то та отвечала односложно, чтобы отделаться от разговора и вернуться к своим размышлениям. Поручик Мелецкий, сидевший рядом с матерью, в свою очередь старался не смотреть на Эльзу, изображая равнодушное к ней отношение. Его самолюбие было задето, и поведением своей матери, которая слишком строго отнеслась к его чувствам, и тем, что эту строгость поддержала баронесса Левина. После обеда всем предстояла конная прогулка в красивую рощу около реки. Левина еле дождалась окончания трапезы. Эльза, вдруг вспомнила, что однажды Панютин проговорился о том, что граф Елизаров по тайной казенной надобности за чем-то сообщался с её мужем бароном Левиным. День был отменный, легкий ветерок носился по простору. Травы уже частью скошенные радовали глаз. Вся конная процессия разбилась по парам. Левиной удалось дожидаться момента, когда граф остался один. Эльза быстро подъехала к мужчине на

вороном коне.

– Роман Данилович, я слышала, вы вечером покидаете нас.

– Да – с дела знаете.

– И Петр Сергеевич с вами? – Эльза мило улыбнулась.

– Что поделаешь, государева служба и война, сударыня, – охотно отвечал Елизаров.

– Роман Данилович, вы не знаете некого графа Формера?

– Он вам докучает? – неожиданно спросил Роман Данилович, но потом, спохватившись, продолжил. – Ах, простите. Память, знаете ли, подводит. Я ошибся, мне неизвестен, сей господин.

Эльза с сомнением посмотрела на графа, не зная, что и думать.

– Это так опасно? – только и смогла выговорить женщина.

– Что, сударыня? – Елизаров пытался играть непонимание.

– Возможность моего преследования с его стороны? – Эльзу начала раздражать нелепость ситуации.

– Помилуйте, баронесса. Мне кажется, вы драматизируете поведение какого-нибудь поклонника, но коли надобно, мы приструним дерзкого, – выкрутился Елизаров.

– Покорнейше благодарю, – недовольно процедила баронесса.

Левина чувствовала, как глухой заговор мужчин закрывает ей путь к правде. И тут к своему удивлению она поняла,

что Панютин тоже слушает их разговор. Петр ехал поодаль, но умеючи подбирался поближе, настолько, что слова Эльзы были ему понятны. Левина стеганула коня, и понеслась вперед, а когда обернулась, то увидела, как Панютин и Елизаров, о чем – то разговаривают. Баронесса догнала Пелагею Павловну, Таисию Прохоровну и Ирину Михайловну.

– Слышала, Лиза, – заговорила Муравлина, – сосед-то твой продал свое имение некому помещику Вешнякову.

– Надобно по их приезду обязательно их пригласить, – предложила Таисия Прохоровна, – дабы они не чувствовали себя чужими в нашем обществе.

Левина еще раз оглянулась назад, глядя как Елизаров, что-то живо продолжал говорить Панютину. Этот взгляд заметила и Ирина. Она тоже оглянулась на мужчин. Опять не обошлось без Петра Сергеевича. Что на этот раз? Пока женщины болтали, Пелагея Павловна издала молча, настороженно следила за сыном, который отогнал от себя навязчивую Юлию, и ехал один. Его уединение нарушила Вера.

– Павел Юрьевич, давайте скакать наперегонки, вон до того дерева. Если вы выиграте, то книга Платона ваша.

– Та, что мне приглянулась?

– Да.

– А если вы?

– Обещайте мне уговорить всех, сыграть в фанты вечером, – заговорщически проговорила девушка.

– Хорошо, – согласился поручик. Павел улыбнулся, впро-

чем, несколько вымучено. И они понеслись. Но видимо Мелецкий подыграл задорной наезднице, и в решающий момент слегка осадил коня, так, что молодая Муравлина пришла первой. Эльза, которая посматривала в сторону Панютина, решила отвлечься, и тоже обратила внимание на Павла и радостную Веру. Ребячество. За этими наблюдениями, женщина немного отстала от подруг, погрузившись в свои мысли. Незаметно подъехал Петр.

– Граф Формер – кто он? – прозвучал его неожиданный вопрос, когда Пелагея Павловна, Таисия Прохоровна и Ирина немного отъехали подальше, и не могли услышать этот разговор.

– Вы у меня спрашиваете? – Левина наигранно удивилась. – Вам лучше знать кто он.

– Я беспокоюсь за вас, и если какой-то человек докучает вам, то скажите мне об этом, – настойчиво проговорил Панютин.

– Ах, ах, Петр Сергеевич, сколько участия. Вы не наивны, но отчего – то полагаете, что вам можно верить.

– Очень скверно, что вы не доверяете другу своего мужа, – упрямо парировал Панютин.

– Помилуйте, не тщитесь в своих нравоучениях. Они фальшивы так же, как и ваши уверения. А, что касаясь правды, я все равно узнаю про дуэль. Вы полковник, плохо знаете жену вашего друга, если думаете с Елизаровым задурить мне голову глупостями.

– Как вам угодно, сударыня, я лишь искренне хотел вам помочь, – Панютин обеспокоенно улыбнулся.

– Приберегите вашу помощь для кого-нибудь другого, – Эльза злилась. Петр Сергеевич стеганул своего коня, и понесся вперед, под недовольный взгляд баронессы. Левина осмотрелась. Перед ней расстился манящий луг, по которому она и ускакала ото всех. Её обеспокоенная душа нашла приют в роще. Где-то куковала кукушка, она слезла с лошади, и села на пригорок, обрывая подле себя землянику. Незаметно Левину отыскал Павел. Он бережно положил к её ногам букет из разных цветов вперемешку с чабрецом, и сел рядом.

– *Thymus serpyllum*²¹ отменное средство при длительно незаживающих ранах, – примиряющее проговорил Мелецкий, – так любил говаривать наш полковой лекарь Леонтий Потапович.

Эльза пристально посмотрела на грустного поручика.

– Лекарь?

– Кто? А Формер. Да отменный лекарь.

– И где он сейчас? Служит? – баронесса пыталась не упустить нить рассуждений.

– Говорят, он оставил военную практику, и теперь где-то в Петербурге, вероятно.

Павел пристально посмотрел на баронессу. Ему хотелось поцеловать недоступную женщину, но в нем боролись дер-

²¹ Тимьян ползучий или чабрец

зость влюбленности и желание не быть слишком навязчивым.

– Я могу вас спросить, Эльза Львовна? – Павел все еще боролся со своими страстными желаниями. Левина настойчиво посмотрела на поручика Мелецкого, отвлекаясь от собственных размышлений о Формере.

– Я буду великодушным, и забуду наш ночной разговор. И потому я хочу знать. Смею ли я, надеется? Смею ли мечтать, что однажды, отвергнув светские предрассудки, вы полюбите меня? – поручик пристально смотрел на баронессу. Левина вздохнула. Она отстраненно посмотрела на Павла. Как, наверное, заманчиво принять любовь такого молодого красивого пылкого мужчины? В этом был момент искушения, могущего как дать счастье, так и все разрушить. Эльза видела нетерпение избалованной женским вниманием натуры и то, что её близость действительно пьянила Мелецкого, который в любую минуту был готов заключить её в свои объятия, если бы только баронесса дала бы хоть самый тонкий намек на то, что это уместно и возможно. Но её мысли занимал загадочный Формер, поэтому она поднялась, и, обернувшись на разочарованного молодого мужчину, проговорила.

– Пойдемте, Павел Юрьевич, нас, наверное, ищут. Не заставляйте волноваться свою матушку, она печется о вашем подлинном счастье. Поверьте, так будет лучше.

Женщина, раздумывая о своем, взяла повод своей лошади, и медленно побрела в сторону дома Муравленых. Мелец-

кий не поспешил за Левиной, оставшись в уединении, рассуждать о том, чего не хватило при штурме «крепости» под именем Эльза. Тем временем, Панютин буквально увел Ирину от Мелецкой и Ачинской. Муравлина соскочила с коня вне себя от недовольства.

– Что, ты, себе позволяешь, Петр Сергеевич.

– Ирина, помоги мне. Формер появился в жизни Эльзы.

– С чего ты взял? Ну, даже если и Формер, Эльза здесь причем?

– Помоги мне, – попросил полковник.

– Я не стану для тебя шпионить, – Муравлина была непреклонна.

– Опомнись. Или ты хочешь, чтобы её постигла участь моей жены и твоей родной сестры?

– Не пугай меня. Никем не доказано, что граф уморил твою жену, ты сам виноват в её гибели! Служба для тебя была важнее Зинаиды и её здоровья. И, пожалуй, я все расскажу Лизе.

– О чем ты можешь ей сказать? – Панютин был сильно обеспокоен.

– Пусть знает, что дуэль то была не одна, и что на второй дуэли наш Панютин убил своего противника.

Женщина раздраженная, вскочила на лошадь, и понеслась вперед.

– Ирина! Стой! Ирина, я мстил за Сашу! – тихо произнес Петр. – Я мстил за друга

Мужчина не знал, что предпринять для защиты той, кого он так сильно любил все эти годы.

Прошло несколько дней. Панютин с Елизаровым разъехались по казенным делам. После всех разговоров Эльза долго не показывалась у Ирины, отпуская туда одного Евгения. Она бродила между кустов шиповника, размышляя о странном заговоре молчания. Вся эта история стала ей порядком надоедать. Ей хотелось поскорее получить ответы на все свои вопросы. За Эльзой шла пожилая женщина. Это была Аграфена няня и домоправительница. Имена отнимали у Левиной столько времени и сил, что на дворню²² ничего не оставалось, а няня было хорошей помощницей.

– Барыня, дворня бает, что-Женечка-то оженится скоро.

– Чу. Язык без костей.

– Так матушка, обидно нашим, – продолжала Аграфена.

– Отчего? – Левина остановилась.

– Княжна-то Юлия басурманка.

– Как так? – не поняла баронесса.

– Так и не православная.

– Откуда знаешь?

– Так среди челяди слухи ходят, что церкви избегает, а по вечерам сядет за стол блюдце пред собой положит, книгу какую-то и давай по-тарабарски бубнить, а потом сильно плачет, чисто на слезы вся исходит.

– И глупа же ты, Аграфена, всякую дурь в дом несешь,

²² Домашняя прислуга из крепостных крестьян

челядь наша всякое может придумать.

– Дурь то может она и дурь, а вот которую ночь молодой граф под вашими окнами вздыхает.

– Углядела, – Эльза озорно улыбнулась, – жалко его. Мается от своих мечтаний, не спит, – Эльза сорвала, веточку, слегка уколовшись.

– Мука мне с ним, няня, чистая мука. И любить не люблю, и прогнать не могу. Он мне напоминание о том, что я живая, и тоже когда-то молодой была. Хотя он дерзок бывает и слишком самовлюблен.

– А хочешь, сердце мое, я на него собак спущу. Отважу.

– Няня, ... каких собак?

– Не злых. Чуть покусают и ладно, – Аграфена посмотрела на хозяйку своими добрыми глазами. Левина обняла старушку, и так ей захотелось тепла и заботы о себе, что женщина глубоко вздохнула.

– Пойдем, Аграфена, чай пить. Самовар уже, поди, закипел, – проговорила Эльза, думая о Павле.

Когда Панютин, оказался в Петербурге, он, недолго думая, разыскал дом графа Формера, что на углу Садовой улицы. Леонтий Потапович сидел в кресле посреди небольшого кабинета за столом и раскладывал пасьянс. Он любил это дамское занятие, успокаивающее нервы. За спиной хозяйки висел огромный портрет молодого человека в драгунской форме с пулевым отверстием подле сердца, дорисованным и простреленным чей-то рукой. Петр Сергеевич вошел в ка-

бинет решительно и без церемоний, оттолкнув слугу, пытавшегося преградить ему путь.

– Явился, наш доблестный защитник. Я ждал тебя, – без предисловий неожиданно произнес граф Формер, в глазах которого угрожающе заплясали огоньки ненависти, когда он в упор посмотрел на вошедшего Панютина. Рука Леонтия Потаповича выложила из ящика стола дуэльный пистолет, и демонстративно положила поверх пасьянса.

– Что, вам, нужно от Эльзы Львовны? – начал грозно Петр Сергеевич.

– Эльза. Тебя всегда интересовала только Эльза. Бьюсь об заклад, она до сих пор не знает, отчего это с её благоверным случилась дуэль, – слова Формера стекали с его языка, как яд.

– Разве можно назвать это дуэлью? Он стрелялся с Вешняковым, а твой сын выстрелил ему в спину. Война же, передовая, никто ничего не докажет. Может шальная пуля. И это после вашего уговора с бароном, – слова Петра гремели обличающим громом, заполняя весь кабинет.

– Уговор. Глупость. А Карл умел хорошо стрелять, – с гордость произнес Леонтий Потапович.

– Великолепный Карл Формер совершил бесчестный поступок, – парировал Панютин.

– Да, но он достойный сын своей родины. Вы русские, отчего-то полагаете, что иностранцы служащие вашему императору, должны забывать о своей стране, своей семье, и дол-

гом перед ней, – Формер не намерен был уступить.

– Однако, милостивый государь, я пришел говорить не о Карле, а о баронессе Левиной. Ежели вам вздумается причинить ей хоть малейшую неприятность, я не пощажу вас, и вашу репутацию.

– Полковник русской армии!?! Ну, дуэль с моим сыном, это дело чести. Но месть, это не ваше ремесло. А мое, – прошипел граф Формер, – и я сполна воспользуюсь им. И есть те, кто захотят мне помочь.

Панютин чувствовал свое бессилие, впервые он не мог защитить того, кем дорожил больше жизни.

– Не пытайтесь меня запугать, полковник. У вас нет доказательств. Ни одного. Убирайтесь со своими угрозами! Никто вам не поверит!

Формер убрал пистолет, глядя, как уходит человек, который убил его сына на дуэли. Леонтий Потапович никуда не спешил, вот уже много лет он жил своей мстостью, и теперь его план казался ему великолепным. Смерть Панютина была ему не нужна, он хотел доставить, как можно больше мучительных моментов этому человеку. А потом он решит нажать на курок или нет. Но иногда, в приступе ярости и желания неотвратимой мести Формер жаждал гибели полковника, и это желание жгло его, наполненное ядом, сердце. И тогда другие планы в его голове стремились к своему воплощению.

Панютин сидел в ресторации, перед ним стоял штоф ани-

совой водки, стерлядь с зеленью, черная икра и тушеное мясо бёф-брезе. Посетителей почти не наблюдалось. Петру хотелось забыться. Перед его мысленным взглядом снова и снова проходила дуэль с Карлом Формером, его дерзкое улыбающееся лицо смотрело на него застывшим взглядом убитого человека. Петр опрокинул стопку водки, звук выстрела стоял в его голове, и голос Елизарова: «Ты убил его. Все кончено». Он опустошенно посмотрел на дно стопки. Эльза, как наваждение стояла перед его мысленным взором, и от этого делалось нестерпимо больно. Панютин никогда не позволял себя надеяться на брак с ней, не пытался приблизиться или объясниться, молчал о чувствах, нося все в себе. А когда боль становилась нестерпимой, стремился на войну, или уезжал на Кавказ. Но сегодня мука, страсть и любовь сводили его с ума, и очередная порция водки довершала это помешательство. Замутненный разум полковника рисовал любимые черты Лизы, и строгий взгляд красивых глаз. Он слишком хорошо знал, как выглядит этот отказ молчаливый и жестокий. И от того ему становилось ещё более невыносимо. Она предпочла его друга, и стала его женой. И Петр всегда уважал этот выбор, но любовь от этого не уходила из его сердца. Казалось бы, с гибелью барона Левина, дорога к Эльзе была открыта. Но Панютин никогда не позволял себе нарушать границы приличия в память о своем друге. И ему удавалось это долгие годы. За это время он успел жениться на сестре Ирины Муравлиной Зинаиде, и стать вдовцом. Когда-то дав-

но, глядя в глаза своей жены, он старался не искать в них взгляд любимой Лизы, который рисовала его воображение, но это удавалось не всегда. Жизнь течет и изменяется, порой разрушая наши убеждения. И теперь Пётр задумался о том, что так быстро прошло более пятнадцати лет, и даже сын его друга барона Левина уже стал взрослым. Может быть, теперь ему пора объясниться с Эльзой до конца? Пусть она ответит, считает ли она возможным выйти замуж за него. Панютин опрокинул еще одну стопку водки, пытаясь заглушить беспокойство, которое возникало в нем при мысли о графе Формере.

Тем временем, Евгений, наконец, отважился на разговор с Юлией, и выбрал для этого день, когда вся молодежь решила ради забавы идти по ягоды, вырядившись в крестьянские платья. Юлия, Вера и Анна в чудесных сарафанах и платках с хохотом неслись от дома Муравлиных с корзинками, а за ними чинно шли Яков, Павел и Евгений. Затея всем нравилась, кроме Мелецкого, который был вынужден подчиниться строгому взгляду и наказу матушки. Прогулка была не столько за ягодами, сколько каждый надеялся остаться с предметом своего обожания наедине, поэтому пение жаворонков, дурманный запах цветов, смелый полет шмелей, наполнявшие пространство, казались романтическим дополнением к ситуации. Самыми счастливыми и довольными выглядели Яков и Вера, которые постоянно шептались и смеялись так заразительно, что округа одобрительно кивала листьями и

стеблями трав. Левин значительно отставший, и вошедший в лес за Юлией и Павлом, стал невольным слушателем их разговора.

– Помилуйте, граф, отчего вы всегда гоните меня, – голос Юлии умолял, – ваша матушка готова прислать ко мне сватов, как только вы, согласитесь.

– Этого не будет. Вы навязываетесь мне, как какая-нибудь кокотка! – раздраженно вырвалось у Павла.

– Кокотка?! Вам известно, что я восхищаюсь вами, а вы пользуетесь этим ...

– Нет, это вы пользуетесь этим! Я не давал вам никакого повода надеяться.

– Не гоните меня, я умоляю вас, – княжна заплакала, пытаясь подойти к Мелецкому поближе.

– Успокойтесь, княжна, ведите себя пристойно. Я не люблю вас, и я никогда от вас этого не скрывал. Уделите внимание тому, кому вы действительно нужны.

– Кому же?

– Молодому барону Левину.

– Вы хотите предложить меня барону? – с вызовом проговорила девушка.

– Прекратите! Я не желаю продолжать разговор в подобном тоне! – Павел высказывался очень резко. Слышавший это Евгений был ошеломлен, он выбежал из леса, и наткнулся на задумчивую Анну, которая шла медленно, тоже отстав от всех. Молодая Муравлина как – то обеспокоенно и забот-

ливо поглядела на него, и кротко спросила.

– Что с вами, барон, вы бледны?

Женя внимательно оглядел ладную фигурку Анны, её милые неброские черты бледного лица, и тихо проговорил.

– Анна Павловна, будьте моей женой.

Удивлению Муравлиной не было предела. Она ошеломленно молчала, пытаясь осознать происшедшее.

– Евгений Александрович, вы шутите? – тихо проговорила Анна.

– Нет. Вы нравитесь мне, я полагаю вас достойной девушкой, и хотел бы видеть вас своей женой, – отчеканил Левин.

Муравлина не знала, что ответить, глядя на загадочное выражение лица молодого барона. Да, она втайне от всех вздыхала по Жене, но полагала, что не может рассчитывать на ответные чувства. А тут такое. Когда на следующий день о предполагаемой свадьбе узнали матери, они, ровно сговорившись, без не нужной огласки, быстро собрались в кабинете в имении Левиных. Эльза сидела в старом потертom кресле, Ирина ходила из угла в угол, иногда глядя на Женю и Аню, сидящих, перед ними на диване.

– Ну, нет. Это же невозможно! – возмущалась княгиня Муравлина. – Евгений, ты же не любишь мою дочь. Я уже видела, чем кончаются такие браки.

– Ты про тетю Иду, но, мама ...

– Помолчи, мне лучше знать. Я против этого поспешного брака.

Княгиня Муравлина остановилась посреди кабинета. Эльза, тоже поставленная, перед таким неожиданным фактом, была против. Ей вовсе не хотелось, чтобы влюбленная Аня, прожила жизнь подле мужа, который её не любит. И Левина постановила так.

– Я тоже не одобряю этот брак, – начала Эльза, – но коль скоро, наши дети желают этого, и их не переубедить. То я, Евгений, настаиваю, на том, чтобы ваша свадьба состоялась как минимум через год. Если за это время, ваше желание не изменится, я дам свое благословение.

– Пожалуй, я соглашусь с Эльзой, – проговорила примиряюще Ирина, глядя на подругу, и в тайне надеясь, что молодые передумают. Баронесса была довольна найденным решением. Анна покорно склонила голову, понимая всю необходимость такой отсрочки, Женя же в очередной раз оценил мудрость матери. Когда же Эльза подошла к сыну, один вопрос был в её глазах: «Почему не Юлия?»

– Юлия не достойна, – прошептал Женя.

Левиной осталось только пожать плечами на столь внезапную перемену в сыне. Может оно и к лучшему, в конце концов, Анну она знала с детства, и была достаточно к ней привязана.

На следующий вечер в дом Муравлиных были приглашены, новые соседи – чета Вешняковых. Ко всему прочему неожиданно приехал хозяин дома Павел Федорович Муравлин, поджарый высокий мужчина лет тридцати девяти, с уди-

вительно проницательным взглядом карих глаз и приятной внешностью. Войдя на веранду этаким франтом в модном французском костюме, он увидел, как, сорвавшись из – за стол бежит к нему Вера. Как встают и кланяются Ачинские сын и отец. Как Пелагея Павловна улыбается из вежливости, а её сын от души радуется приезду хозяина. На шум Ирина Михайловна и Таисия Прохоровна вышли на веранду из зала. Муравлина расплылась в улыбке, увидев мужа.

– Почему не предупредил, сердце мое?

Вера уже висела на шее у отца, Анна стояла рядом. И в этот момент к дому подъехали Вешняковы. Ирина тоже подошла поближе к мужу.

– У нас гости, новые соседи, господин и госпожа Вешняковы, – шепнула она.

Мужчину явно неприятно удивило появление таких гостей, но он постарался приветливо улыбнуться, идя навстречу им.

– Проходите, господа, мы давно вас ждем.

Входящий Вешняков и Муравлин смерили друг друга настороженными взглядами. Ирина же узнала в приглашенных тех, кого встречала тогда с Левиной на постоялом дворе по дороге в Таганрог. Чета прошла за хозяевами к столу, где была представлена, несколько озадаченной, Ириной.

– Теперь наши соседи Луиза Леонтьевна и Антон Трофимович Вешняковы, прошу любить и жаловать.

Все, так или иначе, улыбались и приветствовали новых

членов светского общества, кроме Эльзы, которая, как всегда опаздывала, а может быть хотела опоздать, и зашла на веранду последняя вслед за сыном.

– Князь, порауйте нас новостями, – начал Ачинский, – вы большой мастер рассказывать. Муравлин уселся во главе стола, подождал пока остальные, займут свои места, и заговорщицким голосом начал.

– Светских сплетен от меня не ждите. А вот про некоего Этьена Маршана²³ могу поведать. Сей капитан лет семьдесят назад направился к Маркизским островам. Он и капитан Шаналь на корабле «Le Solide» после длительного плавания нашли три острова Хива-Оа, Тахуата и Фату – Хуку. Туземцы радовались французам и дружно кричали им: «Тайо! Тайо!»

– Настоящие туземцы? – проговорила Вера, всплеснув руками.

– И что же примечательного было на этих островах? – разочарованно спросила Таисия Прохоровна.

– Сами туземцы. Высокие, сильные. Вместо одежды тауировки. Их обычаи порой поражали. К примеру, при угощении друга туземец предварительно жевал для него кусок пищи, чтобы тому оставалось только его проглотить. Существование этих людей настолько бессмысленно, что если не считать добычу пропитания и изготовления утвари, ну или

²³ Маршан Этьен (1755 г. -1793 г.) – французский мореплаватель, капитан торгового флота

оружия, то все остальное время они поют, пляшут и играют.

– Сущие дети, – подвел итог Ачинский.

– Господа, – очнулась Ирина Михайловна, засмотревшись на мужа, по которому так соскучилась, – все стынет, вы забываете про трапезу.

– Ваш муж чудный рассказчик, – проговорила мечтательно Мелецкая.

– Как это романтично открывать новые земли, – высказался Яков.

– Вы, верно, много увлекаетесь географией? – спросил Павел. – Мне довелось читать о некоем французе Иве – Жозефе де Кергелене²⁴, которому поручили исследовать Исландию.

– Да, да. Он составил планы гаваней, произвел астрономические наблюдения, исправил карту этой страны и описал множество гейзеров, – подтвердил Муравлин, – а, вам известна забавная история про конкурс, объявленный Французской Академией наук, когда ле Руа представил на него два хронометра.

– Расскажите, князь, – попросила робко Луиза Леонтьевна.

– Проводились сложнейшие опыты, а затем сам маркиз де Куртанво²⁵ в 1765 году приказал построить фрегат для ис-

²⁴ Ив-Жозеф Тремарек Кергелен (1734 г. – 1797 г.) – французский мореплаватель

²⁵ Луи-Шарль-Сезар Летелье, шевалье де Лувуа, маркиз де Куртанво (1695 г. –

пытания хронометра на море. Соревнование было серьезное. Но всех обошел придворный часовщик Берту²⁶, который и получил патент на свое изобретение, и должность инспектора хронометров.

– А что вы скажите об исследованиях Новой Земли и Белого моря графа Литке²⁷? Я с восхищением прочел его книгу «Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 годах»? – спросил Яков.

– Господа, – взмолилась Таисия Прохоровна, – нельзя же обсудить все путешествия за один вечер, пощадите нас.

– Я согласен, не стоит испытывать терпение наших дам, – Павел Федорович встал, – кто со мной сыграть в вист.

Мужчины поднялись из-за стола, и последовали за хозяином. А Муравлина, приказала отнести в кабинет закуски, дабы все гости были сыты, даже во время игры в карты.

– Расскажите, князь о Федоре Петровиче Литке с его шлюпом «Сенявин», он опять ушел в кругосветное путешествие, а его экспедиция к Новой Земле, слышался голос Ачинского – старшего, – прелюбопытное предприятие.

Тем временем Пелагея Павловна, Таисия Прохоровна и Ирина Михайловна с нетерпением увели Луизу Леонтьевну

1771 г.) – французский маршал, член тайного совета при французском короле Людовике XIV

²⁶ Фердинанд Берту (1727 г. – 1807г.) – французский изобретатель и часовщик

²⁷ Граф Федор Петрович Литке (1797 г. – 1882 г.) – русский мореплаватель, виднейший географ XIX века, исследователь Арктики

в сад, дабы удовлетворить свое женское любопытство. В саду их ждали заботливо выставленные кресла в стиле «русский жакоб», и женщины с удовольствием заняли каждая свое место, предвкушая долгие упоительные разговоры и цветистые сплетни.

– Как, вам, нравится у нас, Луиза Леонтьевна? – спросила неугомонная Таисия. – Вы, верно, более любите пребывать за границей?

– Да. Я люблю Париж, – Вешнякова отчего-то смутилась, и замолчала, не ведая, что говорить дальше.

– Ах, Париж, – всплеснула руками Таисия Прохоровна, – а со своим мужем вы познакомились там?

– Нет, у нас было очень простое знакомство в Старой Руссе, где служил мой батюшка.

Женщины переглянулись, не желая превращать разговор в допрос, но Муравлина не удержалась, памятуя встречу в дороге.

– У вас есть дети? – осторожно проговорила Ирина.

– Нет. Бог не послал нам с мужем детей.

Женщины переглянулись, понимая всю неловкость положения, и решили сменить тему, занявшись любимым развлечением – сплетнями. Эльза, оставшись на веранде, долго находилась в одиночестве. Мужчины играли в карты в кабинете, молодежь занялась бирюльками²⁸, а женщины болтали в саду. Она вышла на улицу, вдыхая горячий вечерний воздух

²⁸ Старинная настольная игра

лета, и пошла по направлению к беседке, желая насладиться прекрасной погодой. Беседка была достаточно уединенным местом. Эльза мечтательно прислонилась к деревянному столбу, вовсе не желая, чтобы её покой кто-то нарушил. Но Павел тихо прокрался через кусты сирени. Мелецкий подошел к Эльзе.

– Позвольте мне побыть с вами, Эльза Львовна. Простите меня, но я более не могу так. Я не могу, соблюдая приличия, не смотреть в вашу сторону при посторонних, говорить вздор молодым девицам, когда все мои мысли с вами.

Левина внимательно посмотрела на Мелецкого, борясь со своим недовольством из-за того, что он нарушил её уединение.

– А мне так хочется заключить вас в объятия, – голос Павла стал проникновенным, – и сказать, о небо, ты видишь, как я обожаю эту женщину. Скажите: «Да», Эльза Львовна, и я никому не позволю вас оскорбить.

Эльзе тяжело было смотреть в эти красивые темнеющие очи Мелецкого, но она не позволила себе сиюминутного порыва нежности по отношению к Павлу.

– Павел Юрьевич, многое в ваших словах дерзко и не обдуманно. Ваш порыв отчасти может извинить вас. Но брак между нами невозможен, – голос женщины постепенно приобретал решительные нотки. Однако поручик не слушал её, он не хотел таких слов в свой адрес. И потому упрямо продолжал свой монолог, давая волю своим фантазиям.

– Эльза Львовна, я предлагаю вам священные узы. Это не может быть истолковано вами, как оскорбление. Не слушайте мою матушку, она заблуждается. То, что кажется ей правильным, на самом деле, противно моим чувствам, – Мелецкий наклонился к Эльзе настолько близко, что поцелуй был неизбежен.

– Брак между нами невозможен, – баронесса Левина, сделав над собой усилие, отстранилась от поручика, – вы забываетесь, Павел Юрьевич.

– Да, я забываюсь, всегда, когда вижу вас так близко, – немного обиженно произнес Мелецкий, – неужели вы этого не видите?!

– Я не столь романтична, как вы, – Эльза сделала еще один шаг в сторону от мужчины, – не увлекаюсь, знаете ли, французскими романами, не философствую на тему безумных страстей.

Мелецкий достал из-за пазухи бархатную маленькую коробочку, раскрыл её, мельком взглянув на изящный перстень.

– Вот, это символ моей любви к вам, и предложение самое честное, которое я могу сделать перед алтарем, – Павел протянул украшение Эльзе, – примите. Скажите мне да.

Баронесса посмотрела на перстень, он был прекрасен. Но в глубине её сердца, вдруг возник образ мужа, каким он был, когда-то давно, в дни его сватовства к ней. Мысли Левиной мгновенно перенесли в прошлое. Барон Левин был хорош

собой, горделив и богат. Женщина вдруг отчетливо вспомнила, как была счастлива, когда получила предложение руки и сердца от своего Александра.

– Да вы меня совсем не слушаете, Эльза Львовна! – Мелецкий был уязвлен в самое сердце, ведь женщина не может отказать такому, как он, молодому и красивому.

– Брак между нами невозможен, – повторила Эльза, равнодушно глядя на украшение.

– Вы настаиваете на этом? – выдавил из себя Мелецкий, наблюдая безучастность баронессы к его словам и признаниям.

– Настаиваю, – жестко проговорила Эльза, посмотрев Павлу прямо в глаза, и не приняв его подарка.

– Схороним же и мы, – он не договорил, слова застревали в его горле, – а я-то думал, вы сможете победить предрассудки света. Что вы достаточно смелы, чтобы быть счастливой со мной! И выше всех сплетен, которые будут придуманы о нас!

Он как-то картинно, словно пьеро, поклонился, и ушел. Штурм «крепости» не удался, и самолюбие поручика получило значительную оплеуху. Левина задумалась, глядя, как уходит граф, вспоминая свое венчание с бароном Левиным, которого так любила. Где-то там далеко, она была счастлива, пусть недолго, пусть иногда в своих иллюзиях, но счастлива. Женщина чувствовала, что не готова к новым отношениям, она все еще жила в прошлом, горько переживая свое

вдовство, и прожитую в одиночестве и заботах о сыне молодость. Да и Павел, желавший амурных побед, на самом деле не любил её. В нем бурлила молодость, самолюбование, желание противоречить правилам приличия, и предрасположенность к романтическим фантазиям, которые материализовались в образе баронессы. Он не мог стать надежным спутником жизни для баронессы.

Павел вернулся в усадьбу Муравленых на рассвете. В дом не пошел, лег на лавке около дома и стал смотреть на звезды. Мысль о самоубийстве не оставляла его, но он медлил. Это была минутная слабость жестоко отвергнутого очарованного мужчины, но такая навязчивая и сильная, что Павел взялся мысленно читать молитву, чтобы принять правильное решение. В его голове все еще звучали слова Эльзы, слова абсолютно непреклонные. Так не должно было случиться, но случилось с ним, с тем, кого считают, настоящим красавцем и франтом. Павел чувствовал себя опустошенным. Как она могла с ним так поступить? Это несправедливо. Неужели она не понимает, что ей бы завидовали все женщины, потому что он, граф Мелецкий выбрал её. Неожиданно подкралась Юлия.

– Я ждала, вас. Что-то случилось. Она прогнала вас?

Павел ошеломленно поднял голову, и поспешил подняться, и сесть на лавку.

– Что? Вы, шпионили за мной!? – удивился поручик.

– Не совсем. Но я знаю, что вы после ужина говорили с

баронессой Левиной вон около той беседки. А потом куда-то пропали. Где-то через час, следом за вами баронесса с сыном тоже уехала. Странно, правда?! А может быть вы её тайный любовник, говорят, что вы посещаете её имение по ночам, и возвращаетесь только под утро, – в голосе Алаповской прозвучала ядовитая горечь, – я не упрекаю вас, нет.

Княжна стала рядом с Мелецким, и пристально посмотрела в его ошалелые от боли и разочарования, глаза.

– Но разве я не красива. Я намного красивее вашей баронессы. Павел Юрьевич, мы здесь одни, – она приложила палец к его устам, – молчите. Вы сейчас совсем одиноки, я могу разделить ваше одиночество.

Он отвел её руку, пытающуюся погладить его по щеке.

– Вы, верно, начитались французских романов! Я не нуждаюсь в вашем обществе. Уходите! – решительно проговорил Павел.

– Пожалуй, только вот ваша маменька, и все остальные узнают, что поручик лейб-гвардии драгунского полка любит и действует с баронессой Левиной.

– Это ложь, – равнодушно прокомментировал Мелецкий.

– Для вас да. А для них?

Княжна Алаповская с достоинством отодвинулась от молодого мужчины.

– Ах, если бы, граф, закончилось ваше упрямство. Нельзя безнаказанно унижать меня. Обещаю вам, вы дорого заплатите за это, а милая баронесса с лихвой изведает, что такое

позор и унижение.

Юлия убедительно договорила все свои слова и победоносно удалилась. А Павел, глядя в след девушке, думал о том, что надо проситься на войну. Там, в порыве боя, интересы Родины будут давать его душе высшие смыслы, и отдохновения от его собственных страстей. Тем временем в спальне Муравленых, Павел Федорович встал с постели и закурил трубку у раскрытого окна. Эта комната располагалась в противоположной стороне от веранды, и выходила на очень заросшую и немного заброшенную часть сада, которая обладала своим диким очарованием.

– Ирина, ты спишь?

– Нет.

– Зачем, ты пригласила к нам Вешняковых?

– А что такого? – Ирина подняла повыше подушку и села.

– Очень похоже на тебя, очередной не обдуманый поступок.

– Я не возьму в толк, что такого я сделала, – проговорила сонным голосом удивленная женщина.

– Мне не хотелось бы видеть этих людей в нашем доме.

– Отчего? – Муравлина нарочно задавала глупые вопросы, поправляя кружева на своей ночной сорочке, пытаясь понять, что случилось.

– Эльза знает?

– О чем?

– Ведомо ли ей, что именно на дуэли с Вешняковым погиб

её муж? – Муравлин затянулся посильнее.

– Ты и мне никогда об этом не говорил, – Ирина была поражена и озадачена, – за последнее время столько всего произошло. Некий Формер интересуется и Лизу, и Петра. Этот ваш полковой лекарь загадочная личность.

– Формер? Ах, вот как, план мести в самом разгаре. Полагаю, Панютин в опасности. И я должен ему помочь, – Павел перестал курить.

– А как же с Вешняковыми? Луиза Леонтьевна такая милая, – несмело произнесла Ирина. Павел скептически хмыкнул.

– Милая!? Дочь Формера милая. Через неделю, когда разъедутся оставшиеся гости, мне нужно будет уехать на какое-то время.

– Куда?

– Я потом тебе все расскажу, – он хотел ещё что-то добавить, но положил трубку на столик, и промолчал.

Незаметно и быстро наступил август. Эльза никуда не выезжала из имения. Она, сидя в плетеном кресле на веранде, читала письмо от сына, который вернулся на фронт и участвовал в начавшейся осаде Варны. Рядом с ней стоял купец Прохор Солодухин, с которым Левина давно имела торговые дела.

– Да сядь ты, Прохор Степанович, в ногах правды нет, – сворачивая письмо, произнесла она.

– Может, и нет, матушка, да только спешим мы. И посему

касательно нашего дела поговорить бы надобно.

– Хорошо. Я даю тебе половину капитала, и людей. Деньги получишь завтра, людей на строительство мануфактуры подберем дней за десять.

Солодухин огладил небольшую бороду, видно был доволен.

– Смотри, Прохор Степанович, не подведи меня.

– Слово купеческое даю. За то не волнуйтесь, как обещал, с половины вашей прибыли часовенку справим да странно-приимный дом.

– Через пару месяцев я приеду к тебе посмотреть на строительство.

– Ладно, матушка, будем ожидать.

Внезапно к дому, верхом подъехала Ирина. Она как заправский наездник соскочила с коня, и чуть не сбив с ног уходящего купца, поспешила к Эльзе.

– Лиза! – прокричала запыхавшаяся женщина, – Лиза! Петр и мой муж умирают в Костроме.

Эльза подскочила к подруге, пытаясь усадить её, но та, борясь со слезами, делала все, чтобы связанно рассказать о происшедшем.

– Знаешь, Панютин поехал туда по казенной надобности, и заодно хотел навестить заболевшего князя Щербатова²⁹, шефа Костромского мушкетерского полка и своего хорошего знакомого, – Ирина говорила сквозь слезы, – и там это и

²⁹ Князь Алексей Григорьевич Щербатов (1776 г. -1848 г.)

случилось. Мой муж сказал перед отъездом, что это месть ... и он хотел помочь Петру ...

– Месть? Чья? За что? – Эльза стояла, словно пораженная громом. – Едем! – только и смогла проговорить Эльза. – Я велю закладывать карету.

Юлия Алаповская стояла в кабинете дома графа Формера, и разглядывала простреленный портрет Карла Формера.

– Вы всегда заботились обо мне Леонтий Потапович, помогите и теперь, – настойчиво попросила девушка.

– То, что ты хочешь, путает мои карты. Ты же знаешь, гибель моего сына Карла должна быть отомщена.

– Вы, как всегда недоговариваете, мой покровитель, – Юлия дерзко заглянула в глаза графу, – и оставляете ваши тайны при себе. Но насколько я понимаю, смерть Панютина, убившего графа Карла Леонтьевича Формера на дуэли, вполне бы удовлетворила ваши желания. Ведь, у вас как всегда было несколько планов. И потом разве не вы отнесли портрет поручика Мелецкого баронессе?

– Да, я отнес, – подтвердил граф.

– Хотите я вам скажу зачем? Вы, так же, как и я, мечтаете уничтожить репутацию этой женщины. Вы рассчитывали спровоцировать тайный роман между ними, осуждаемую всеми порочную связь, которая бы на долгое время стало мученьем для полковника Панютина. И ваши расчёты подтвердились. Правда вы тогда не могли знать, что я увлекусь этим поручиком, и буду им отвержена. Так помогите же мне до-

вершить начатое вами. Вы как лекарь знающий толк в снадобьях, можете это сделать.

– Хорошо, – Леонтий Потапович решил уступить, – я помогу тебе, моя девочка. Тебя надолго запомнят. А Петр, если выживет будет страдать от того, что не сможет защитить репутацию своей любимой Эльзы, да и ревность к поручику вонзится в его сердце острым копьём. А это для него похлеще полученной пули.

– Нас ждет триумф и отмщение, – проговорила довольная девушка. Юлия прошла по кабинету, как бы примиряя на себя императорскую корону.

Долог и тягостен был путь в Кострому, в дом генерала от инфантерии Алексея Григорьевича Щербатова, который был болен, и не смог принять участие в турецком походе. Хотя первый и второй батальон Костромского мушкетерского полка еще в конце июня 1828 года выступил в поход против турок, перейдя Дунай, двигаясь на северо-восток Болгарии для участия в осаде портового города Силистрия. Алексей Григорьевич же остался в Костроме с третьим батальоном, и иногда принимал гостей.

Муравлина во весь путь плакала, так что, перестала есть, и спала с лица. Лиза молчаливо наблюдала за дорогой, договаривалась о ночлеге, ругалась со станционными смотрителями из-за лошадей, заботилась о пропитании и молилась, о ниспослании жизни Павлу и Петру. Княгиня Софья Степановна Щербатова встретила женщин очень радушно и

несколько виновато. Княгиня Муравлина и баронесса Левина стояли посреди просто обставленной без изысков гостиной. Княгиня, миловидная женщина лет тридцати, говорила быстро и негромко.

– К ним лучший лекарь приглашен. Оба поправятся. Полковник Панютин ранен серьезно, а ваш муж, княгиня, слегка.

– Как это произошло? – спросила Эльза. Щербатова пожала плечами.

– Никто толком не видел. Мы опросили прислугу, но пока никаких результатов. А сами наши героини молчат. Но как я поняла, Павел Федорович пытался помешать убийству полковника Панютина.

– Хотелось бы их видеть, – как бы отгораживаясь от подробностей, попросила Левина.

– Да. Да. Конечно. Я вас провожу.

Женщины вошли в небольшую, светлую комнату, где находились Муравлин и Панютин. Эльза стала рядом со спящим Петром, вглядываясь в знакомые приятные черты: упрямый лоб, прямой античный нос, слегка выющиеся темные волосы, болезненная бледность лица. Боль разливалась в сердце Левиной. Наверное, иногда подобная ситуация дает человеку понимание того, что и насколько было ценно в его жизни. Эльза вдруг четко поняла, как этот человек ей дорог. С ним не просто, с ним не всегда уютно, но безоговорочно надежно. Сжимая холодную руку Петра, Лиза пыталась разобраться в своих чувствах к нему. Муравлин же не

спал, он спокойно смотрел на плачущую жену, неловко стирая рукой её слезы. Говорить Павлу не хотелось, да и Ирина не спрашивала, с неё было довольно уже того, что небо подарило жизнь её мужу.

В неизвестности прошла целая неделя. Женщины помогали лекарю как могли. И когда Муравлин уже прогуливался с женой, то Петр только начал приходить в себя. Мутный взгляд Панютина упал на музыкальную шкатулку, стоящую на подоконнике, на темные зеленые шторы, и остановился на Левиной, задремавшей в кресле у его кровати. Плохо слушающийся разум привычным жестом остановил приступ радости при виде баронессы. Эльза открыла глаза, и поймала на себе сосредоточенно-вопросительный взор раненого.

– Лиза, это ты? – тихо произнес он. Женщина кивнула головой.

– Я, Петр Сергеевич, как вы себя чувствуете? – проговорила баронесса сонным голосом.

– Со мной будет все хорошо, – ушел от ответа Панютин, пытаясь собраться с силами, – что вы здесь делаете?

– Я приехала позаботиться о вас, – ответила Эльза, как бы оправдываясь, – я хочу помочь, – еще не до конца проснувшись, проговорила Левина.

– Помочь? Мне не нужна ваша помощь. Приберегите её для кого-нибудь другого. И прошу вас, уезжайте отсюда.

Баронесса посмотрела на раненого мужчину, непонимающим взглядом.

– Я не поеду, – Эльза чувствовала глухое сопротивление или боль, а может обиду мужчины, который даже сейчас боролся с обстоятельствами, и своими чувствами.

– Вы, не обязаны за мной ухаживать, Эльза Львовна. Я прогоняю вас, – делая привычное усилие над собой, жестко проговорил Панютин. Левина встала из кресла, не готовая к такому разговору.

– Вы мне не указ, – женщина злилась.

– Указ! – разозлился Панютин. – Мне не нужна ваша жалость.

Левина смолчала, превозмогая обиду, и помедлив немного, ушла. Петр с тоской посмотрел ей в след, несколько не жалея о сказанном. Ему не хотелось обременять баронессу уходом за собой. Да и ревность к поручику Мелецкому иногда посещала его, особенно вечерами, когда очередная сплетня о баронессе вспоминалась ему. Панютин понимал, что Эльза, возможно испытывает жалость к раненному. Он категорически не желал никакого сочувствия от женщины, которую он любил так долго. Жалость без любви была унижительна для полковника.

Эльза спустилась вниз, и села на диван в гостиной, приходя в себя. Что – то рождалось в ней выше непонимания поведения полковника, его неблагодарности. Почему он не хочет принять её искреннюю помощь и сострадание? Одно она решила точно, ей надо уехать. Купец Солодухин ждет теперь её на стройке. Левина мысленно перебирала текущие дела,

чтобы не думать о чувствах к Панютину. Он всегда такой разный с ней. Особенно теперь, когда она, похоже, может ответить ему взаимностью. В гостиную вошли Ирина и Павел.

– Лиза, что случилось? – спросила Муравлина, глядя на выражение лица подруги.

– Я уезжаю в имение. Петр гонит меня, – пытаюсь, как можно спокойнее ответить, говорила баронесса.

– Он всегда любил только тебя, Эльза, сильно любил, и в этом его беда, – лукаво улыбнулся Павел Федорович. Левина удивленно посмотрела на князя Муравлина. Интересно сколько в этих словах правды?

– Вы ошибаетесь, – произнесла она со вздохом.

– Эльза, – Павел опять улыбнулся, – вам стало не безразлично отношение к вам Петра?

– Я не знаю. Впрочем, князь, вы, не хотите ли объяснить-ся. Кто и почему напал на него? Муравлин испытующе посмотрел на жену, та отвела взгляд. Ну, конечно, она немного проболталась.

– Это не моя тайна, Лиза, – начал серьезно Павел, – я не могу открыть её вам. Пусть сам Панютин поведаёт о ней, это его право, и только его, учитывая все обстоятельства.

– Тогда ответьте мне, кто такой граф Формер, и каково его место в этой истории?

– Формер часть этой тайны.

– А, гибель моего мужа, тоже часть этой неведомой тайны? Куда не разверни либо Формер либо Панютин, как про-

тивоположные берега у реки! – Эльза сердилась от собственного бессилия.

– Увы, так оно и есть, – подтвердил Муравлин.

– Ответьте мне только на один вопрос. Это настолько опасно, что смерть Петра, дело времени, не сейчас, так потом? – беспокоилась баронесса.

– Да. Будет ли еще одно покушение, не знаю. Если бы Петр уступил моим уговорам. Но мой друг не желает прятаться. Иногда он очень безрассуден, и непреклонен.

– Ирина никогда мне об этом не рассказывала. Скажите, а Зинаида его жена умерла при родах, или же?

– У нас нет доказательств её умышленного убийства. А подозрения лишь подозрения.

– Если бы он любил её, – вступила Ирина, – этого бы не случилось. Моя сестра очень страдала от того, что Петр женился на ней, исходя из каких – то своих умозаключений, сердце же его было всегда твоим, Лиза.

– Я не знала этого, – попыталась оправдаться Левина.

– Или не желала знать. Барон Левин был более выгодной партией?! – беззлобно укорила её Муравлина. Женщина не хотела обидеть подругу, но может быть вырвавшиеся слова – правда, о которой никогда не думала Эльза. Павел ухватил под руку жену, и увел её от задумавшейся Левиной. Баронесса заглянула в себя, увидев там ослепление юности, честолюбивые планы, а муж, можно ли это назвать любовью. Ведь до сей минуты она в этом никогда не сомневалась. Ле-

вин видный и обаятельный, более удачливый, богатый, чем его друзья, он умел блистать, кружить головы и праздно проводить время с достоинством человека отдыхающего от тяжелых праведных трудов. Левина вспоминала, как терялась от волнения в присутствии Александра, он казался ей тогда совершенно неотразимым молодым франтом. Эльза решила проститься с Петром, она стремительно поднялась по ступенькам, и, войдя в комнату, увидела, как раненный измученный постоянной болью мужчина пытается сесть. Движения давались ему с трудом. Левина, пораженная, смотрела на упорную борьбу раненого человека со своими страданиями. И он победил, сел, не проронив ни звука. Панютин отвлекся от своих усилий, и посмотрел на приближающуюся баронессу.

– Я пришла проститься, Петр Сергеевич, – начала неуверенно Левина, – коль скоро моя помощь вам не нужна, я уезжаю.

– Хорошо, – Панютин старался не смотреть на любимую, чтобы не остановить её, не попросить прощения.

– Вы не хотите больше мне ничего сказать? – Эльза все еще надеялась услышать примиряющие слова.

– Нет. Прошу прощение за доставленное беспокойство, баронесса, – сухо проговорил Панютин, пряча свой грустный взгляд. Эльзе ничего не оставалось, как уйти, восхищаясь и раздражаясь волей, мужеством, и упрямством этого человека. Панютин подождал, когда закроется дверь, и в изнеможе-

нии закрыл глаза. Она ушла. Он уже упрекал себя за непреклонность, но не желал ничего менять. Однако, мысль, что Эльза покинула его, была невыносима для того, кто так долго любил и боролся со своей любовью. Петру тяжело было осознать такую зависимость от баронессы. Все эти размышления причиняли полковнику тяжелые душевные страдания, которые он уже не мог выдерживать, как раньше. И тогда он закрывал глаза, и старался не думать о том, что так ранит, а прямо повторял наизусть псалом девяностый.

Эльза не поехала в имение, а отправилась в Петербург домой, где с нетерпением запутавшегося человека прямо с порога направилась в кабинет мужа. Остановившись посередине него, посмотрела на образ Александра Невского, и перекрестилась. Барон был по сути своей неверующим человеком, однако он снисходительно относился к своей православной жене, и потому согласился с ней, когда прекрасная икона появилась в его «царстве». Он никогда не лепил Лизу под себя, и она в свою очередь принимала Александра целиком со всеми недостатками, которых, впрочем, не замечала. Эльза воспринимала только лучшую сторону своего мужа, которую он мог подкрепить достаточно эффектными жестами. Когда он в очередном артистическом порыве, залезал в окно к молодой жене с букетом цветов и бутылкой шампанского, это производило на юную Лизу сильное впечатление. А для самого Александра это был момент триумфа и самоутверждения, тем более что баронесса с лихвой выда-

вала нужные эмоции и обожающие взгляды. Поразительно, но при всем этом, Левин никогда не был пылким влюбленным, страстным мужем или нежным покровителем, внешний блеск часто компенсировался внутренней холодностью. Эльза вспоминала разительные перемены, случавшиеся с бароном после очередного бала или приема, после всех своих артистических эффектных действий, домой возвращался другой человек, который уже не мог никого очаровать, или покориť. Вероятно, поэтому, та подлинная страсть, которая бурлила в недрах сердца Панютина, скрываема́я внешней строгостью, всегда пугала её. А может быть она не хотела сгореть в этом горниле? Только сейчас Эльза поняла, что она после гибели мужа, сама не желала никого пускать в свою жизнь, несмотря на то, что одиночество так мучило её. Но теперь все изменилось.

В конце сентября 1828 года произошло взятие и капитуляция крепости Варна. За храбрость и мужество, проявленное в военных действиях против неприятеля Евгений Левин, был повышен в звании до прапорщика и получил небольшой отпуск для того, чтобы уговорить мать, разрешить ему обвенчаться с княжной Анной Муравлиной. Это было ясное теплое сентябрьское утро, когда возмужавший барон Левин ступил на порог дома. Увидев своего сына Эльза не смогла сдержать слез. Она смотрела на обветренное загоревшее любимое лицо с отращенными роскошными усами и не узнавала своего мальчика. Какой взрослый! Неужели это её Эжени?

Баронесса улыбалась и плакала одновременно. Она понимала, что вырастила достойного человека, но то, что он смог стать отважным воином было для неё приятным удивлением. Ведь для матери он все еще был маленьким карапузом. Возможно, Панютин был прав.

– Как ты возмужал! – Левина подошла к сыну, погладив его по голове. – Мне написали о твоём отважном поступке, я знаю, что ты принял бой с превосходящими силами противника и спас своего командира от неминуемой гибели. Я горжусь тобой, сынок.

– Я не сделал ничего особенного, просто выполнил свой долг, – молодой Левин отвел взгляд, и посмотрел на пол, – со мной сражаются куда более смелые драгуны чем я.

– Нет, для меня ты подлинный герой. Отдохни с дороги, я велю накрыть на стол, – Эльза никак не могла насмотреться на Женю.

– Меня отпустили в отпуск, и ты знаешь, что я приехал жениться на Анне, – Евгений серьезно посмотрел в глаза матери, своими красивыми, как у баронессы глазами.

– Зачем же спешить со свадьбой? – баронесса вздохнула.

– Я дал слово, – в той же манере, как и Петр Сергеевич, проговорил серьезно Женя, – это дело чести. Княжна Анна достойная девушка. Даю слово. Она будет счастлива со мной.

– Хорошо. Я обещаю все устроить, – Левина успокоилась, услышав столь уверенные слова. Женя прошел в свою комнату под слегка удивленный взгляд матери, которая все еще

не осознавала до конца, что перед ней не милый мальчик, а молодой мужчина, который в уже осознал это в полной мере, доблестно выдержав тяжелые для него испытания.

Венчались через неделю во Владимирском соборе. С утра все приготовления по хозяйству были завершены, хотя Эльза все ещё пыталась проверять, так ли выполнены её распоряжения, и не могла успокоиться даже во время венчания. Баронесса любовалась молодыми, но мысленно перебирала и перебирала в голове все свои действия, дабы понять, что она ничего не упустила, и свадьба пройдет наилучшим образом. По лицу же княгини Ирины Муравлиной было видно, что она не очень верит в удачность этого замужества, несмотря на то, что Павел всячески успокаивал её.

– Ирина, – шептал Муравлин, – Женя совсем не похож на Александра. Разве ты не замечала, какие они разные, он даже внешне похож на мать.

– Разные. Кровь одна. И кровь беспутная.

– Он глубоко верующий. Лиза передала сыну свою силу нашей веру.

– Это не довод. Если бы не мольбы Ани, я бы никогда не пошла на это, – Муравлина вздохнула, – и потом судьба Зинаиды всегда ужасала меня. Она тоже в свое время настояла на браке с Панютиным.

– Посмотри на лица наших детей. Ведь они счастливы, – привел последний довод князь Муравлин. Молодожены были действительно искренне счастливы. Возмужавший Евге-

ний выдавал всем своим видом, появившийся интерес к Анне. Юная невеста, очень смущенная, была серьезной. Она с волнением слушала слова, которые произносил священник, а когда все закончилось, даже заплакала, чем очень удивила гостей и молодого мужа. В доме баронессы Левиной прием, устроенный по случаю свадьбы был обставлен с большим вкусом. Много именитых личностей прогуливалось по залу после плотного застолья. Баронесса в очередной раз обходила гостей, наблюдая за тем, что происходит, и нет ли какой нехватки в угощениях. К довольной Эльзе вдруг подошла графиня Мелецкая. Пелагея Павловна отвела счастливую мать в сторону.

– Что случилось? – спросила баронесса, все мысли которой были только о том, чтобы свадьба удалась и гости были довольны.

– Вы же мне обещали, – без предисловий начала Мелецкая, – оттолкнуть моего сына.

– Я не видела вашего сына уже долгое время, – Эльза заставила себя говорить с Пелагеей Павловной на тему, которая была ей совсем не интересна. К тому же баронесса все время отвлекалась посмотреть, всё ли происходит так, как должно быть на достойном приеме.

– Допустим. Но вы все же стали его тайной любовницей, – Мелецкая сделала ударение на последнем слове.

– Вы с ума сошли! Это чудовищная ложь! – возмутилась Левина. Баронесса отошла от Мелецкой, давая понять, что

ей не приятен этот разговор.

Поручик Мелецкий очень расстроенный, стоял в сторонке, наблюдая за танцами. В нарушение всех приличий, к нему подошла сияющая Юлия в роскошном атласном платье с двумя бокалами шампанского.

– Выпейте со мной, Павел Юрьевич. Я хочу проститься с вами. Я покидаю Россию, и скоро отправляюсь в Париж.

Мелецкий принял из рук Алаповской бокал.

– Я выпью за то, чтобы вы оставили меня в покое, – грустно проговорил Мелецкий.

– Прекрасно! Пейте же, – Юлия с нетерпением наблюдала за неторопливыми действиями молодого мужчины.

– И все же вы слишком много читаете французских романов, – Павел попытался наставить девушку на путь истинный, – это дурной тон, не престало такой, как вы, поправ правила приличия, приходите ко мне с бокалом шампанского.

– Может быть я намного смелее, чем ваша баронесса, – проговорила с усмешкой Юлия, – и мне не важно, какие сплетни родятся в этот момент, когда нас увидят вместе.

Павел допил бокал.

– Вы рискуете получить в обществе дурную репутацию, – Павел произнес слова с легкой нотой пренебрежения.

– Как знать, быть может, вы мне составите компанию, – предвкушая результат своей мести, проговорила девушка.

– Компанию в чем? – не понял Павел.

– Ну, я к тому, что у вас тоже будет дурная репутация

в обществе, – Юлия ядовито улыбнулась, – и у вашей ненаглядной баронессы.

– Я не боюсь угроз, – при упоминании Эльзы, Мелецкий приободрился, – да что вы можете сделать своей бессильной злобой.

– Я хочу проститься, полагаю этого уже достаточно. Разве не за это, я предлагала выпить? Вы пророчите мне дурную репутацию, но сейчас я покину вас, а вы останетесь, – Юлия снова ядовито улыбнулась, наслаждаясь моментом, медленно сделала реверанс, и с достоинством удалилась.

Баронесса Левина отошла от Пелагеи Павловны, но ей подвернулась Таисия Прохоровна.

– Эльза Львовна, в Петербурге новое увлечение, – проговорила она загадочно.

– Какое? – непонимающе проговорила Левина.

– Читают вот это, – княгиня Ачинская протянула ей листок бумаги, – это письмо вашего мужа к некой тайной особе.

Эльза развернула бумагу, и вздрогнула от знакомого подчерка.

– Моя любимая, – тихо прочла баронесса – я изнемогаю без вас, как без солнца. Ежели, вы не согласитесь встретиться со мной, мне не жить. Не сокрушайтесь на счет моей жены, она милая, но ей никогда с вами не сравниться. Ты, та единственная, о коей я грежу бессонными ночами, – Левина не смогла дальше читать под любопытным сочувствующим взглядом Таисии Ачинской.

– Я понимаю вас, Эльза Львовна, – изрекла сочувственно, из лучших побуждений, она, – вы все эти годы страдали, и поэтому хотите принять предложение нашего пылкого красавца Мелецкого и быть с ним. Может, и на тайный брак решитесь? Ведь, его мать против ваших отношений.

– Кто распускает эти нелепые слухи? – проговорила, пораженная баронесса. Эльза чувствовала, что жизнь смеётся над ней, но отчего-то ей представлялось лицо графа Формера. Фигуру которого, она различила среди гостей, или ей показалось.

– Да какие же это слухи? – Таисия Прохоровна не унималась. – Об этом давно все говорят. А известно, что дыма без огня не бывает.

А в это время внимание всех привлек поручик Мелецкий. Он совершенно неуправляемый, ворвался в круг танцующих пар, и стал что-то кричать, размахивая руками, так что парам пришлось остановиться. Мелецкий оказался в кругу любопытствующих людей, и выглядел совершенно нелепо. Он крепко держался на ногах, но казалось, был не в себе. Эльза и Ирина из разных концов зала, поспешили гасить назревающий скандал. Но не тут-то было. Левина попыталась подойти к Павлу, и успокоить его.

– Какой конфуз, – прозвучало где-то за спиной, – говорят, что они тайные любовники. Так афишировать свои отношения.

– Любовники. Вы не поверите, они давно любовники, –

сообщал чей-то доверительный голос, – а что им остается делать в такой пикантной ситуации. Шепот переходил в осуждающий гул. И словно в подтверждение всех домыслов, неожиданно прозвучал голос Мелецкого.

– Эльза Львовна, не бросайте меня! J'ai besoin de toi³⁰! Je ne peux pas sans toi³¹! – произнес достаточно громко Павел. Язык плохо слушался его. – Почему вы не хотите танцевать со мной?

Ситуация накалялась. В этот момент в зал вошел опоздавший полковник Панютин. Его заметил обернувшийся Евгений, по лицу которого Петр понял, что происходит что-то неладное. Из общей массы шепчущихся гостей вышла Юлия, красуясь в своем эффектном модном платье.

– Эльза Львовна, помогите же поручику, не будьте так жестоки к человеку, навещающему вас по ночам в вашем имении, – прозвучал уверенный голос девушки.

– Мне было так хорошо с вами летом. Ночи, мечты, – проговорил Мелецкий с трудом, понимая, что происходит, – мои надежды с вами.

Левина потеряла дар речи, как будто рухнул небосвод. Павел, протягивал к ней руки, и в его мутных глазах терялось всякое разумное.

– Да-с, господа. Дуэли не бывают без повода, – прозвучал голос из толпы гостей. Петр Сергеевич не стал ждать развяз-

³⁰ Ты мне нужна, фр.

³¹ Я не могу без тебя, фр.

ки скандала, все возмущалось в нем против обидчиков Лизы. Он подтолкнул, оцепеневшего от неожиданности князя Муравлина, и тот последовал за ним.

– Вы пьяны, поручик, потрудитесь, вести себя пристойно! – прозвучал резкий голос полковника. Ирина Муравлина направилась к музыкантам, заставляя их возобновить игру хоть какой-нибудь веселой мелодии. Анна и Евгений, подавая пример другим, стали танцевать. Постепенно все вернулись к танцам. Петр и Павел Муравлин увели бедного поручика Мелецкого, который упирался, махал руками, и пытался обратиться снова и снова к баронессе Левиной. Эльза же, глядя, как уводят молодого мужчину, не помня, как, дошла до бархатного стула в углу, чтобы прийти в себя.

– Баронесса, – прозвучал навязчивый голос Юлии, – вы бросаете вызов свету своим поведением, оттого ли, что муж не любил вас, – усмехалась княжна Алаповская, – это веская причина, я понимаю.

Левина на это раз не выдержала, резко встала, и поравнявшись с княжной, смерила её жестким взглядом.

– Потрудитесь покинуть мой дом, княжна!

– О, да, баронесса, с превеликим удовольствием, – Юлия чувствовала, что отомщена, – невыносимо находиться в доме женщины с такой дурной репутацией.

Княжна Алаповская изобразила подобие реверанса, и удалилась. Баронесса собралась с силами и хотела подняться к себе. На лестнице её догнала Вешнякова.

– Простите, – прозвучал умоляющий голос Луизы.

– Что вам нужно? – Эльзу покидали душевные силы, и она была готова опустить на ступеньки от изнеможения.

– Простите мою дочь, – заплакала Вешнякова, – мы с ней причинили вам столько боли. Но она не виновата, она не ведает, что творит.

– Дочь? – Левина силилась понять Луизу.

– Юлия Алаповская наша дочь, моя и барона Левина, – Вешнякова горько заплакала, – мы так любили друг друга. Но мой брат решил прекратить наши отношения, а муж вызвал Сашу на дуэль. Это не справедливо. Вы ни в чем не виноваты.

– Довольно, – Эльза, казалось, пыталась собраться с силами, – мне не к чему ваши оправдания. У меня больше ничего нельзя отнять.

Левина развернулась, и стала медленно подниматься по лестнице. Мир, её уютный понятный мир, с милыми и грустными воспоминаниями, рушился с таким треском, что в порыв было закрывать уши и прятаться. Этот скандал, о котором не скоро забудут, и самое горькое, что это случилось в день свадьбы её любимого сына. Что касается всего остального, женщина была не способна осознать это сейчас, и потому не думала об этом, пытаясь сохранить подобие спокойствия. Но дойдя до своей комнаты, и закрыв за собой дверь, она просто без сил рухнула в кресло, слушая, как в висках стучит её сердце, и что-то липкое, похожее на беззащитность и бесси-

лие, что-либо изменить, заполняет её душу.

На следующий день в доме графа Формера недовольная Юлия встретилась с Луизой Вешняковой. Алаповская прошла по сумрачному залу мимо ряда роскошных стульев.

– Леонтий Потапович, – голос княжны выдавал её возмущение, – что эта женщина делает в вашем доме?

Формер недовольно посмотрел на внучку.

– Это не просто женщина, она моя дочь, и твоя мать.

– О чем вы говорите? Меня вырастила моя бабушка княгиня Алаповская, и до пятнадцати лет я воспитывалась во Франции.

– Конечно. Княгиня Алаповская дальняя родственница моего зятя Антона Трофимовича Вешнякова, которая согласилась оказать нам эту услугу, и воспитать тебя в нашем родовом доме в Нанте, – пояснил Леонтий Потапович, – для всех она была твоей бабушкой.

Граф Формер довольно поглядывал на Юлию. Ведь она была так похожа на него, статью и характером. Своего никогда не упустит, своевольная и дерзкая.

– И вы? Как вы смели скрыть от меня все это, любезный дед! – Алаповская злилась, поглядывая иногда на несчастную Луизу. – Мать! Эта глупая тихая женщина! А кто же отец?

– Барон Левин, – тихо произнесла Вешнякова. Юлия хотела что-то спросить или возмутиться, но её глаза выдавали глубокое замешательство.

– Так выходит, что я – проклятие Эльзы! – выдохнула она довольно.

– Ты поступила дурно, Юлия, – Луиза заглядывала в глаза дочери, – воспользовавшись, письмами барона, которые отдал тебе мой отец. Унизил бедного Мелецкого и оклеветала баронессу. Уже все говорят о том, что Панютин вызвал поручика на дуэль.

Вешняковой очень хотелось, чтобы дочь раскаялась, и попросила прощения. Но нет, та оставалась неприступна и холодна, непреклонная в своем максимализме юности, и уверенная в своей правоте.

– Прекрасно. Дуэль, что может быть лучше, – изрекла княжна, – у Юлии есть теперь мамочка, – Алаповская презрительно посмотрела на готовую расплакаться Луизу. – Падшая женщина! И папочка, барон Левин!

– Не смей! – Формер оборвал внучку. – Не тебе её судить. Подумай лучше о том, что Антон Трофимович, наконец – то согласился принять тебя в своем доме. Это шанс быть с матерью, и обрести семью.

– Шанс? – не унималась Юлия. – Это оскорбление! Кто такой этот ваш Вешняков! Кто он против барона Левина! Я не хочу ничего слышать об этом!

Алаповская удалилась, громко хлопнув дверью. Луиза бросилась на шею отцу и зарыдала.

– Все твоя честность, Луиза, надо было выдать её за дочь твоего мужа.

– Слишком тяжелая ложь для меня, отец. Я так любила барона, – женщина замотала головой. Граф Формер гладил дочь по голове, словно маленькую девочку, которую надо было успокоить.

Утро для Левиной началось с завтрака с молодыми. В столовой пахло кофеем и сладкими пирогами. Евгений, слегка озадаченный, был счастлив. Он не решался спросить у матери о скандале, и поэтому сосредоточенно ел. Анна тоже молчала, чувствуя себя не в праве, задавать нетактичные вопросы. Баронесса вела себя так, словно ничего не произошло. По её лицу нельзя было прочесть о бессонной ночи, и грызущей обостренной обиде, боли, и бессилии что-либо изменить. Тишину нарушил слуга, доложивший о приезде Пелагеи Павловны Мелецкой. Когда та вошла, молодые быстро удалились. Пелагея Павловна со смятением в сердце, подошла к Левиной.

– Чем обязана? – холодно спросила Эльза.

– Эльза Львовна, простите меня за неожиданный визит, но умоляю, спасите моего сына, – голос Мелецкой дрогнул.

– Спасти? Разве он в опасности? – все так же холодно поинтересовалась Левина.

– Петр Сергеевич вызвал его на дуэль завтра. Все говорят о том, что Панютин, хоть еще и не оправился от ранения, никогда не простит обид, нанесенных вам, да и стрелок он отменный. Я умоляю вас, как мать, спасите моего мальчика, – Пелагея Павловна была готова упасть на колени перед

баронессой. Эльза пристально посмотрела на слезы, которые текли по щекам Пелагеи Павловны, и не смогла ничего ответить. Как будто разом все в ней замолчало. А Мелецкая, борясь со слезами, пыталась угадать, что же сказать, чтобы баронесса смягчилась. Но попытки её были тщетны. Эльза ничего ей не ответила, и та ушла ни с чем.

На следующее утро Муравлин и Панютин готовились к дуэли, они внимательно осматривали местность, ожидая поручика. Место было достаточно просторное с густыми кустами и редкими деревьями. Накрапывал мелкий холодный дождик.

– Неужели ты хочешь убить этого глупого повесу? – спросил Павел.

– Тебе его жалко? – холодно проговорил Панютин. – Он посмел опорочить имя Эльзы. О ней теперь идут грязные пересуды. У неё отняли все, чем она жила долгие годы, а это равносильно смерти. Я не могу это так оставить.

В это время на бричке подъехал Павел с секундантом, а из-за тучи выглянуло робкое солнце. Граф Мелецкий быстро соскочил на землю, и поспешил к мужчинам, ожидавшим его.

– Я приношу свои извинения, – начал он, – мне очень стыдно за свое непозволительное поведение на свадьбе, я сам плохо помню, но то, что мне рассказали отвратительно. Ваш вызов меня на дуэль достоин уважения.

– Увольте меня от вашего уважения, поручик. Присту-

пим, – Панютин был непреклонен и изрядно раздражен. Князь Муравлин отрыл коробку с дуэльными пистолетами. Противники выбрали каждый свой пистолет. Второй секундант разыграл право выстрела.

– Вы, поручик, стреляете первым, – объявил второй секундант.

– Я готов уступить свое право Петру Сергеевичу, – проговорил Мелецкий, надеясь на примирение.

– Стреляйте, поручик. Не играйте в благородство, – Панютина ужасно возмущал в Павле, как ему казалось, тон нашкодившего глупого испугавшегося юнца. Но поручик был, отнюдь не трус, он не боялся быть убитым на дуэли, а искренне раскаивался в случившемся, надеясь на понимание Панютина. Петр равнодушно взирал на противника, пусть даже и сознающего свою вину, сегодня он был настроен решительно. Мужчины отошли друг от друга на сорок шагов, оставаясь неподвижными, и ждали команды, чтобы начать стрелять. Мелецкий прицелился, медля с выстрелом. Он посмотрел на пожухшие осенние кусты, на липу, утопающую в пасмурном небе, прислушиваясь к биению своего сердца.

– Извольте стрелять, – напомнил Муравлин. Мелецкий выстрелил. Прوماх. Муравлин облегченно вздохнул. Получив команду, Петр, немедля, прицелился. Его движения были уверенны, движения одного из лучших стрелков в столице. Прозвучал выстрел. Вдруг из густых кустов, находящихся рядом с Павлом, одновременно с выстрелом, или чуть ранее

неожиданно пытаюсь заслонить Мелецкого кинулась княжна Юлия, которая приняв выстрел, упала в жухлую траву. На мгновение все замерли, настолько внезапно было происшедшее. Мелецкий, пораженный, склонился над еще живой Юлией.

– О, нет! – вырвалось из уст Мелецкого.

– Теперь ты мой, упрямец. Я получила своё, – шептала она, – и так будет всегда. Не смейте мне отказывать, поручик.

Вдруг к месту дуэли одновременно с разных сторон подбежали Эльза и Ирина, Луиза и Леонтий Потапович. Луиза рванулась к дочери. Она гладила её по золотистым волосам, выбившимся из-под шляпки. Черный костюм амазонки на княжне подчеркивал трагизм случившегося. Эльза тоже подошла к раненной девушке, в её взгляде теплилась жалость. Однако, та не сдавалась перед случившимся, все еще желая эффектных побед. Алаповская посмотрела на баронессу, и победоносно улыбнулась.

– Эльза, я наследство, которое тебе оставил барон Левин, мой отец, – глаза Алаповской закрылись, и она потеряла сознание. В то время, когда Формер осматривал рану девушки, к ним подошли Панютин и Муравлин.

– Будет жить. Пуля прошла на вылет, органы не задеты, – тихо проговорил он Луизе, которая уже была готова лишиться чувств от своих переживаний. Муравлин посмотрел на побледневшего Петра, тот развернулся и молча пошел к своей лошади. Эльза оглянулась и, увидела, как, пустив лошадь

в галоп, ускакал полковник Панютин под вопросительные взгляды Муравлиных и Мелецкого. А в воздухе царила тишина и покой, ровно ничего и не случилось.

Левина, совершенно потерянная возвратилась домой. Молодожены ушли на званый обед. Она, не снимая верхнюю одежду, плюхнулась на диван в гостиной, не замечая Панютина, стоящего у портьера. Он был взволнован и очень бледен. Рана все еще давала о себе знать, да и дуэль, которая завершилась так неожиданно. Одно дело стрелять в обидчика баронессы, другое ранить юную девушку.

– Эльза, – тихо, собираясь с силами, позвал Панютин, – Лиза.

Левина удивленно посмотрела на мужчину. И произошло то, чего никто из них не ожидал, Эльза бросилась в объятия Петра, расплакавшись у него на плече, в эти надежные объятия, которые раскрыл для неё полковник. В этот момент это были два человека, которые так нуждались друг в друге.

– Лиза, – шептал Петр, бережно обнимая её, – не плачь. Никто больше не причинит тебе зла.

Эльза посмотрела на Панютина, как будто до этого не видела его никогда раньше. В этот миг он казался ей абсолютно необходимым, желанным и важным для её жизни человеком. То, что происходило, походило на прорыв плотины, как если бы невидимые стены рухнули, и каждый из них мог без стеснения выразить свои чувства.

– Это было ужасно. Почему вы никогда не рассказывали

мне о причине дуэли, на которой погиб Саша? – тихо говорила баронесса, глотая собственные слезы. – Почему?

– Я хотел уберечь вас от разочарования. Я знал, как вы были влюблены в своего мужа, и моего друга, – мягко отвечал полковник.

– Всё ошибка, – продолжала горько плакать женщина, – моя жизнь, моя любовь, всё ошибка.

И вы, всегда знали об этом.

– Я пытался защищать вас, баронесса, и ваше неведение тоже служило этому, – вкрадчиво объяснял мужчина.

– Неведение, какое удобное состояние. Юлия его дочь. Что мне делать с этим? – Эльза перестала плакать и посмотрела в глаза Петра.

Панютин не знал, что ответить любимой, чтобы успокоить её, и поэтому, уступая своим чувствам, поцеловал баронессу в губы, с застывшим в них вопросом. Это был их первый поцелуй, поцелуй, который был похож на первоцвет, зацветший после долгой и суровой зимы.

– Я люблю вас, Эльза Львовна, и прошу стать моей женой, – после поцелуя, чуть отстранившись от любимой, проговорил слегка осипшим от переполнявших его чувств голосом Панютин. Баронесса непонимающе посмотрела на полковника. В этот момент она была не в состоянии осознать сказанные ей слова, и потому молчала.

– Ваше предложение так неожиданно для меня, – только и смогла проговорить она.

– Неожиданно? – голос Панютина приобрел жесткие нотки. – Что ж, я не потревожу ваш покой, баронесса. Разрешите откланяться.

Он отстранился от Левиной, немного постоял, собираясь с мыслями, и поспешно вышел, возвращаясь к привычке бороться с чувствами к баронессе. Эльза подошла к окну, и стала наблюдать за отъездом полковника, сожалея, что обидела его своими словами. Она надеялась только на то, что со временем все разъяснится, и они смогут еще раз спокойно поговорить. И возможно, когда-нибудь она сможет принять его, как мужа. В сожаление баронессы незаметно вкралось прошлое, и вот уже перед её мысленным взором возникла ладная фигура мужа, гарцующего под окном на ослепительно белом коне. В его руках букет белых роз, который он кидал ей когда-то в это самое открытое окно. Барон Левин любил эффектные, почти театральные действия. В его холодных серых глазах тогда зажигался огонек азарта. Но как было ужасно смотреть на то, как он тухнет, и что остается потом.

Спустя некоторое время, Левина придя в себя, сидя в гостиной, раскладывала пасьянс за маленьким столиком, на котором стояла резная шкатулка. От этого занятия её заставил отвлечься шум и возмущенный голос слуги: «Барыня никого не принимают». Еще миг и перед Эльзой стоял виноватый Павел Мелецкий.

– Позвольте, Эльза Львовна, проститься с вами, – слова Павлу давались с трудом, потому что он чувствовал себя ви-

новатым.

– Вы уезжаете? – баронесса внимательно посмотрела на поручика.

– Да на войну, – Павел опустил глаза, – простите меня, если сможете. Я погубил репутацию человека, которого так обожаю.

Левина неопределенно покачала головой.

– Я не виню вас. Даже в час моего позора во мне не было гнева на вас.

Мелецкий пал перед Эльзой на колени, и стал целовать её руки.

– Я восхищаюсь вами, – он замер на миг, – подарите мне что-нибудь на прощание.

Баронесса, расстроенная и взволнованная, смотрела в красивое лицо поручика и не могла насмотреться. Было в этом моменте что-то очень щемящее. Она подошла к столику, и открыла шкатулку. Там лежала золотая брошь в виде простого цветка с рубином посередине.

– Ступайте, берегите себя. Вернитесь с войны живым. А это вам на память обо мне, – она протянула брошь. Мелецкий поднялся с колен, нехотя отступил, поклонился, сжимая в руке заветный подарок.

– Разрешите откланяться. Прощайте, Эльза Львовна. Когда вы были непреклонны перед моими предложениями, вы были правы, я не достоин вас. Но есть тот, в ком вы можете не сомневаться. Он всегда ставит ваши интересы выше сво-

их. Полковник Паниутин может составить ваше счастье.

Павел еще раз склонил голову, и быстро ушел. Левина шла за ним до двери, прощаясь с чем-то странно дорогим для себя. А может она прощалась со своими иллюзиями, так органично ставшими частью её прошлой жизни. В любом случае, ей предстояло заново строить свой мирок, который так изменился за последнее время. Баронесса не выдержала тишины дома, и вот уже через полчаса, в одиночестве она брела по набережной, глядя на тяжелые воды Невы. К ней неожиданно подошел Вешняков.

– Баронесса, моё почтение, – начал он, – я хотел нанести вам визит, шел к вам домой, но заметил вас здесь, прогуливающейся. Полагаю, нам необходимо объясниться.

Левина недовольно посмотрела на назойливого собеседника.

– Мне очень жаль, что я и моя жена принесли вам столько незаслуженного горя. Я, Эльза Львовна, искренне прошу у вас прощения. Ваш муж вынудил меня к дуэли, которой я не хотел.

– Антон Трофимович, с меня достаточно правдивых историй из прошлого, – Эльза горько вздохнула.

– Но этого вам никто не скажет кроме меня. Я и не подозревал, что Луиза любит другого, пока барон, провоцируя меня на дуэль всяческими ухищрениями, не бросил мне в лицо, что моя жена, его любовница.

– Почему война не остановила вас? Как можно сражаясь

с неприятелем, думать о поединке? Разве это не запрещено на фронте? – спросила Левина.

– Я был молод. Война одни чувства обостряет, а другие притупляет, видимо я не справился не с тем, не с другим. Да и потом я не хотел стать посмешищем, поскольку барон при свидетелях высказался о моей жене, а со мной рядом в тот момент был только Карл Формер.

Так уж случилось.

– Да, Саша любил опасность, – сама себе проговорила Эльза, – и если уж впадал в кураж, то его было не остановить. Полагаю, вы предпочли бы не знать? Думая, что ваша Луиза молится только за вас? – с удивлением спросила Левина.

– Как и вы. Порой неведение защищает нас. Моя кроткая жена лишь жертва вашего ослепительного мужа. Лишь жертва, – тихо пояснил Антон Трофимович.

Баронесса еще раз вздохнула, украдкой смахнув со щеки, набежавшую слезу. Кому, как не ей знать, как мог её муж очаровывать женщин. В нем включался азартный игрок, козырь, еще козырь, и карта бита. Но Левина всегда уверяла себя, что её муж не перейдет опасной черты, за которой прячется измена.

– К чему все это? Полагаю, вы закончили свой рассказ, – Эльза понимала, что этих разоблачительных разговоров с ней достаточно. Боль была слишком сильная, а за ней семенило унижение, и понимание, что великолепный барон Левин, возможно, действительно не любил свою Эльзу, кото-

рую выбрал себе в жены исходя из какого-то своего расчета. В этом он был мастер. И ведь он не ошибся. Эльза, действительно, стала для него хорошей и верной женой, обожающей все его причуды.

– Да. Извините. Мы с Луизой уезжаем во Францию, как только Юлия немного поправится, вероятно, навсегда. Граф Формер отдает нам свой дом в Нанте, – мужчина медленно поклонился. Левина безразлично посмотрела вслед, удаляющемуся Вешнякову. В лицо ей дул холодный ветер. Она шла и шла, мало обращая внимание на любопытных прохожих. Ей казалось, что только сейчас, она увидела, что живет, но от этого прозрения было так больно. Словно ей приходилось идти по битому стеклу босиком. Когда от каждого шага заходило сердце. И идти невыносимо, и остановиться нельзя. Эльза Левина баронесса.

Незаметно порой проходят дни, недели, месяцы. Вот и в окна Эльзы постучал 1829 год. Анна читала письмо от мужа, мысленно молясь, чтобы с ним все было хорошо. Левина вошла в зал неожиданно, испугав невестку, которая уронила почти дочитанное письмо.

– Матушка, отчего вы всегда так тихо заходите?

– Прости меня, Аня, я задумалась, – потерянно проговорила женщина.

– О чем? – поинтересовалась невестка.

– Дядя моего мужа барон Левин – Витье, старый греховодник, прислал мне приглашение погостить в его доме. Пи-

шет, что беспокоится о моем здоровье, и не желает, чтобы со мной случилась ипохондрия.

– Поезжайте, Эльза Львовна, – проговорила Аня, – там, наверное, будет что-нибудь примечательное.

– Москва сама по себе примечательна, однако Фридрих Иванович помешен на пирушках, цыганах, спиритизме, а в последнее время увлекся какими – то странными манускриптами из хранилищ испанской инквизиции, – пояснила баронесса.

– Какой ужас, – Аня, нехотя приложила руку к щеке.

– Хорошо, Аня, твои родители обещали приехать к нам в гости, проведать тебя, а я поеду к барону Левину-Витье. Полюбопытствую, чем его голова занята на этот раз.

Москва встретила Эльзу колокольным звоном, морозным воздухом и криками торговков. Шел легкий снег, когда баронесса подъехала к дому барона Левина-Витье. Что она здесь делает? Как ей объяснить это себе? Левиной вспомнилось, как в первый месяц после свадьбы Александр привез её к своему дяде. Тот долго не выходил к гостям, а когда вышел, то похоронным голосом произнес.

– *Bonjour, enfant terrible*³²!

Александр, улыбнувшись, поклонился. Дядя подошел к племяннику, обняв за плечи.

– *Entre nous*, – он недовольно посмотрел на Лизу, – *erre*

³² Здравствуй, несносное дитя, фр.

humanus est³³.

С тех слов началось молчаливое неприятие Эльзы в доме того, кто воспитал её мужа. И вот теперь она переступила порог знатного богатого особняка по приглашению Левина-Виттье, и лакей подобострастно бросился принимать её шубу. Барон Левин -Виттье не любил однообразия, гуляния и балы затевались им постоянно, то у себя, то в домах друзей. Дядя встретил её, развалившись на диване гостиной, под пледом, потягивая вино из бокала.

– *Coup de maitre*³⁴, – прозвучало вместо приветствия.

– Вы, о чем? – Эльза настороженно всматривалась в хитроватое опухшее лицо.

– Ты вошла слишком тихо, – барон сел, свесив голые ноги из – под пледа.

– *Hu salve*³⁵! *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*³⁶, – продолжил мужчина, – говорят вы мадам, оскандалились в вашей северной Венеции. *Quod erat demonstrandum*³⁷. Я всегда говорил Алексу, что вы ни на что не способны. Скандалы нужно уметь перековывать в победы жизни. А вы?!

– Что вам за дело до моих скандалов? Я не желаю слушать ваших нравоучений. Вы поэтому пригласили меня в Моск-

³³ Человеку свойственно ошибаться, лат.

³⁴ Мастерский прием, фр.

³⁵ Здравствуй, лат.

³⁶ Времена меняются, и мы меняемся в них, лат.

³⁷ Что и требовалось доказать, лат.

ву? – Левина чувствовала себя усталой с дороги.

– Pardon, pardon, – барон погрузил ноги в домашние туфли без задников, подбитые мехом, – нет, я позвал вас не за этим. Хотел узнать, как там наш Эжени и его молодая жена. Вы милочка не сподобились пригласить меня на его свадьбу, о которой я узнал от друзей.

– Все произошло слишком неожиданно и быстро, – проговорила устало баронесса.

– Развлекайтесь, сударыня. В память об Алексее я захотел устроить вам праздник. Не забудьте, через несколько часов вас ждет бал, которого давно не видел этот сонный город.

Баронесса утомленно наблюдала за тем, как слуга понес её вещи в отведенную ей комнату, за ним служанка несла на серебряном подносе горячий обед для гостыи.

Невообразимый шум фейерверка во дворе напомнил, уснувшей в своей комнате Лизе, что начался праздник. Она подбежала к окну, там уже стояла множество карет. Левина перевела свой взгляд на зеркало, где увидела беспокойные глаза потерянной женщины. И опять этот вопрос: «Зачем она здесь?» Здесь так далеко от друзей и привычного уклада жизни? Ах, если бы не этот скандал, разве она бы покинула столицу. Барон Левин – Витье не лучшая компания для женщины, которая чувствует себя беззащитной и опустошенной. Но Эльза постаралась взять себя в руки. Привела себя в порядок, надела одно из своих новых платьев, которое погладила для неё служанка, повесив его на спинку кровати. За-

тем она достала флакон с розовой водой, которую использовала в качестве духов. Женщина еще раз посмотрела на себя в зеркало. Теперь намного лучше. Появление Левиной на балу было никем не замечено, за исключением Томаса Райта. Райт не любил баронессу, считая её слишком заносчивой, и не обходительной. Он как – то лукаво улыбнулся, подводя к ней высокого голубоглазого брюнета, одетого по последней моде.

– Баронесса, мои наилучшие пожелания. Разрешите вам представить Луи Филиппа Антуана Бернара де Лавуазье герцога Ангуемского.

Мужчина слегка склонил голову в изящном поклоне.

– А это сама баронесса Эльза Львовна Левина, – хитро улыбаясь, проговорил художник. Райт быстро поклонился и исчез в толпе, празднующихся по залу гостей.

– Зовите меня Бернар, Эльза Львовна, – проговорил герцог на безупречном французском языке. Левина оценивающе осмотрела мужчину. На вид около тридцати шести лет, стройный, даже можно сказать в меру худой, смуглый, голубые глаза сапфирами светятся из-под смоляных ресниц. Заметив интерес к своей особе, мужчина пояснил.

– Моя мать испанка, отец француз. Я вырос и воспитывался в Лондоне, а затем в Амстердаме.

– Что привело вас в Россию? – баронесса чувствовала, что не в силах вести утомительные светские беседы.

– Дела знаете, мадам Эльза. Но, видя вас, хочется забыть

о тревожащих меня вестях, и предаться мечтам. Однако сейчас, с вашего позволения, разрешите мне покинуть вас, – вкрадчиво проговорил герцог. Он улыбнулся, ослепляя белоснежной фальшивой улыбкой, и ушел, чем-то напоминая Эльзе барона Левина. Начался бал. Под сводами зала веяло беззаботным весельем. Множество пар самозабвенно кружились. Но Эльзу никто не приглашал, да и она сама не очень-то жаждала этого. Одно лишь понравилось ей, в этот вечер она не вспоминала о том, что произошло на свадьбе сына.

Утром горничная принесла Левиной кувшин с теплой водой, чай, молоко и ароматные пироги. Эльза умылась, оделась, и приступила к завтраку. Мысли её возвращались к новому знакомому герцогу Ангуемскому. Не то, чтобы он произвел на неё сильное впечатление своей внешностью, но что-то в нем вызывало интерес баронессы. И потом ей хотелось новых впечатлений, они так хорошо отвлекают, и заставляют надеяться на лучшее будущее. Днем ей предстояло еще одно испытание, поездка на тройках к цыганам.

Эльза, закутавшись в шубу, усаживалась в тройку подле дяди, который вдруг вылез из неё, и уступил свое место другому человеку. Неожиданно послышался знакомый голос, из-за высокого воротника тулупа.

– Мадам, не хочет к цыганам.

– Нет, – удивилась Левина.

– Тогда я украду вас, позвольте, – прозвучал притор-

ный голос. И только она хотела ответить герцогу «нет», как кнут запел над прекрасными лошадьми, и они понеслись навстречу морозному дню. Скакали долго, выехав на окраину Москвы. Наконец совершенно шокированная Левина увидела в елках большой рубленый дом, подле которого и остановились кони. Герцог помог женщине вылезти из тройки. Он галантно провел её в домик, где горели свечи на дубовом столе. На полу, укрытом шкурами дремала собака. Горел камин. Этаким охотничий дом. Стол был уставлен различными яствами и вином. Слуги постаралась на славу.

– Что это значит? – хотела возмутиться Эльза.

– Прошу вас, баронесса, – вещал тихий гипнотизирующий голос. Герцог помог ей снять шубу, и сесть в кресло подле камина.

– Герцог, я не помню, чтобы приняла приглашение на обед, – проговорила, пытающаяся прийти в себя Лиза.

– Конечно, нет, моя леди. Это дерзость, но простите меня, если я переступил границы дозволенного.

– Чей это дом? – осматриваясь, спросила баронесса.

– Райт, однажды, показал мне его. Теперь это мое любимое пристанище в хорошей компании.

Он поднес Эльзе бокал пахучего вина, и приблизился к ней, как можно ближе. Его взгляд пронимал и жег её так, что было трудно дышать. Левина все понимала, но приняла бокал и выпила.

– Что все это значит, герцог? – пытаюсь получить и так по-

нятный ответ, продолжала спрашивать обескураженная женщина.

– Бернар. Для вас я Бернар. Здесь вы в полной безопасности, – тихо проговорил герцог. Он принял пустой бокал от Эльзы, и стал целовать её руки, затем поднялся и отошел, не желая вспугнуть томные мгновения. Он вел себя, как профессиональный игрок, знающий, чего он хочет, и никуда не спешащий. Левина не понимала, что ей делать. Она чувствовала, что не желает того, что происходит с ней, но отчего-то молчала, и слушала вкрадчивый приторный голос нового знакомого. Герцог рассказывал ей анекдоты, наслаждался трапезой, угощая свою гостью отменными блюдами, и подливал вина. Иногда он вставал из-за стола и прохаживался мимо камина, а когда подходил к баронессе, то целовал её в шею. На что Левина поначалу хотела возмутиться, но потом хмель взял верх над ней, и она молчала. Складывалось ощущение, что делал он это часто и с разными дамами, наслаждаясь своей властью оказывать неизгладимое впечатление на женские сердца. Играя с ними в свое удовольствие. Он так точно делал акценты в словах, и жестах, что это гипнотизировало Левину. Мужчину забавляло само действие, игра, которой он отдавался всецело. Заметно, было, что он любовался своим обаянием, и тем впечатлением, которое производил. А как могло быть иначе? Ведь еще никто из женщин не смог отказать герцогу.

Эльза, отогревшись у камина, выпив изрядное количе-

ство вина с изысканной закуской, совершенно сбитая с толку, глядя на языки пламени, и слушая вкрадчивый голос рассказчика, незаметно уснула. Когда она проснулась, был вечер, тройка стояла у дома барона Левина-Витье, герцога рядом не было, лишь ямщик ждал, когда барыня, закутанная в шубу, проснется. Лиза так растерялась, что не знала, чем оправдаться, и о чем думать. В её руках лежало письмо, где по-французски было написано: «Леди, не должна объяснять своих поступков. Это её каприз». С этим письмом в руках она вошла в дом Левина-Витье, и поднялась к себе. Служанка унесла шубу и принесла горячий чай. Баронесса все еще держала письмо в руках, пытаясь вспомнить, что же с ней было в этом охотничьем доме. Герцог вел себя галантно, много шутил, иногда целуя её, ему хотелось большего, но он никуда не спешил. Эльза вздохнула. Женщина с дурной репутацией, как же больно это осознавать. Все, что осталось в столице, осталось ли там? Она уехала в Москву, чтобы отвлечься, а приехала и попала в какую-то фривольную историю с герцогом. Что это? Проклятье княжны Юлии? Левина подошла к окну, и увидела, как возвращается пьяный Левин – Витье с гостями, вопящий скабрёзные песенки. Она вышла на лестницу, чтобы посмотреть на это поближе.

– Музыканты веселей! – закричал входящий дядя Фриц. – Господа желают веселиться.

И все заново закрутилось в безумной пляске. Лица, бутылки, закуски, танцы, смех, игра в фанты. Эльза очнулась

рано утром, сидящей в кресле в обнимку с канделябром, но ей было весело. Все вокруг походило на поле битвы, с которого собирались и уходили оставшиеся несколько гостей. Левина смотрела на всех, как во сне, и вот уже скандал на свадьбе Жени не казался ей таким уж ужасным. И эти тайные истории барона Левина немного затерялись в пространстве. Горничная протянула Эльзе на подносе приглашение в театр.

– Вам, барыня, давеча принесли.

Левина стянула бумажку с подноса, и покрутила в руке. Опять этот навязчивый новый знакомый. Следующий день принес баронессе необходимость выбрать самое красивое платье для себя. Служанка помогла сделать прическу. Эльза опять смотрела на себя в зеркало. Она была хороша. Если бы этот упрямый Панютин видел бы её сейчас. Баронесса остановила свои размышления. Как странно, она привыкла думать о Петре, как о поклоннике, который должен оценить её красоту. Но он предложил ей брак, к которому она все еще не готова. Эльза попыталась улыбнуться себе в отражение, и у неё получилось, но не с первой попытки. Сегодня её ждал Большой Петровский театр, открытие которого состоялось четыре года назад³⁸. Предыдущее здание театра сгорело одним из первых, когда наполеоновская армия вошла в Москву. Театральная площадь встретила Лизу приветливо, новое здание театра величиной, перещегооляло даже Большой Ка-

³⁸ 18 января 1825 г.

менный театр в Санкт-Петербурге³⁹. Баронесса с восхищением рассматривала помещение, в которое стремилась столичная публика. Левина была в восторге, её поражало все: роскошной внутреннее убранство, пропорции, гармония архитектурных форм, вместительные гардеробные. Лиза с упоением устроилась в ложе, разглядывая потолок, партер и сцену.

– Осип Иванович Бове⁴⁰ постарался, – раздался голос входящего герцога, – новый театр удобен и прекрасен.

– А вы бывали здесь до войны с Наполеоном? – проговорила женщина с интересом.

– Да, Эльза Львовна, бывал, – Де Лавуазье сел рядом с баронессой.

– Вы ослепительны, моя леди. Сегодня дают «Альмавива или тщетную предосторожность» Россини, – герцог опять правильно и с придыханием произнес каждую фразу, завораживая своей манерой говорить. Левина заметила, что их ложа привлекает внимание. Наверное, во многих взглядах читалось любопытство. Или вопрос: «на кого на этот раз охотиться Де Лавуазье?» Герцог слыл заправским волокитой, и ему многое удавалось. Бернар положил свою аристократическую узкую ладонь на руку баронессы, продолжая смотреть на сцену, где начиналось действие.

³⁹ Петербургский театр, который существовал с 1784 г. по 1886 г.

⁴⁰ Российский архитектор, занимался восстановлением Москвы после пожара 1812 года

– Смею ли я надеяться? – прозвучал томный шепот герцога.

– На что? – Эльза чувствовала, что теряет дар речи в обществе этого мужчины, но решила бороться с этим странным магическим обаянием Де Лавуазье до конца.

– На волшебство, моя, прекрасная леди, на великолепное волшебство, – он сжал руку Лизы в своей. Эльза поймала себя на мысли, что поддается чарам этого мужчины. Как будто, она выпила сонного зелья, которое лишает её воли, и все что ей осталось, это смотреть широко распахнутыми глазами на происходящее с ней представление.

– Посмотрите, – Бернар второй рукой поднес Левиной коробочку. И опять слова были слишком вкрадчивы, а акценты выверены. Баронесса непроизвольно увидела в этих жестах что-то похожее на то, что обычно делал барон Левин. Он играл с упоением и азартом. Женщина, как под гипнозом, высвободила вторую руку, открыла коробочку, и застыла от восхищения. Перед ней лежал роскошный браслет из отборных сапфиров.

– Он достоин вашей красоты, моя леди, – прозвучал завораживающий комментарий.

Баронесса протянула руку, а герцог умело надел украшение, так словно служил королеве. Всю первую часть оперы Левина пыталась хоть как-то призвать разум к своим обязанностям. Но все тщетно. Де Лавуазье, казалось, проникал во все щели её души, не давая покоя, не оставляя места ни для

кого другого. В антракте Левина неожиданно столкнулась с графиней Хлюстиной и её мужем. Эльза смотрела на них, как на призраков из прошлой жизни.

– Эльза Львовна, представьте же нам своего загадочного кавалера, – проговорила с восхищением Аделаида Михайловна.

– Такой обаятельной леди, я представляюсь сам, – он таинственно улыбнулся. – Луи Филипп Антуан Бернар де Лавуазье герцог Ангуемский.

– Герцог, ваши манеры безупречны, – Хлюстина переглянулась с мужем.

– Я многое делаю безупречно, особенно, когда есть рядом леди, вдохновляющая меня на это, – Бернар слегка коснулся руки Лизы, – разрешите, ненадолго покинуть вас.

Де Лавуазье плавно поклонился, пристально посмотрев на Аделаиду Михайловну, удалился. Хлюстина была сражена. Какой видный мужчина, и такой галантный. «Баронесса, где вы познакомились?» – хотелось спросить ей. Но муж Аделаиды Михайловны не дал завязаться разговору, и увел свою любопытную жену. Левина посмотрела на уходящих знакомых. Она и сама была в некоем восхищении от талантов герцога, и одновременно плохо отдавала себе отчет в том, что происходит. Вернувшись в ложу, баронесса попала в свет темно голубых таинственных глаз, глаз ждущих, глаз околдовывающих. Герцог был похож на человека, который смакует дорогое вино, перекатывая в горле каждый глоток, и не

торопясь его глотать.

– Герцог, нам надо объясниться, – Эльза попыталась настроиться на серьезный лад. Бернар приложил палец к своим губам.

– Моя леди, не желает слушать Россини? Мы поговорим, но потом, – вкрадчивый голос успокаивал. Эльза понимала, что не может побороть это влияние герцога на себя, но она не хотела быть его околдованной марионеткой.

На следующий день барон Левин – Витье, сидя в столовой, поглощал уху с кулебякой. Эльзе не хотелось есть. Она крутила вилкой по полупустой тарелке.

– Мадам Левина грустна? – спросил Левин-Витье, не отрываясь от еды.

– Я хочу уехать домой, – неожиданно произнесла Эльза.

– Домой? *S,il vous plait*⁴¹. Надоела *partie de plaisir*⁴²?

– Я не знаю, – проговорила женщина, над чем-то раздумывая.

– Она не знает? – Витье перестал есть. – Дура! Вокруг тебя крутится такая дичь!

– Вы всегда не любили меня. Откуда же теперь такое рвение по устройству моей судьбы?

– Да я не в восторге от тебя, и мое кредо – *apres nous le deluge*⁴³. Но я не могу видеть не прикрытую глупость. Обыг-

⁴¹ Пожалуйста фр.

⁴² Увеселительная прогулка, развлечение фр.

⁴³ После нас хоть потоп фр.

рай его.

– Ему нужны победы и только, и потом это решать мне, – Эльза была расстроена.

– *Qui vivit vegeta*⁴⁴, – Витье отодвинул тарелку, – он очень богат, этот герцог. Здесь, в Москве он наделал много шума, когда приехал, и стал выходить в свет.

– Какое мне дело до его богатства, – равнодушно прокомментировала Левина.

– Богатство дает нам многое, – философски заметил Витье.

– Но оно не может дать душевного тепла. Для него нужно Божье благословение, – Эльза встала из-за стола. Прислуга спешно убирала не нужные приборы.

– Эльза, не забудь сегодня маскарад, – строго напомнил мужчина.

Баронесса вошла в свою комнату, где на столе её ждал сверток, к которому было прикреплено письмо. Левина долго стояла над свертком, не трогая его, затем все же развернула, и увидела свой маленький портрет работы Томаса Райта. На портрете женщина в одежде Дианы охотницы восседала на белом коне, и на плече у неё красовался то ли сокол, то ли ястреб. Разобрать было сложно. В сопроводительном письме значилось: «Моя, леди, такой увидел вас я, Томас лишь отобразил мое видение. По-моему, удачно. Ваш Бернар». Все было изыскано, и ставки высоки. Эльза чувствовала, как бес-

⁴⁴ Поживем – увидим фр.

помощно барахталась её воля, слабая в сетях знатного волокиты⁴⁵. Маскарад начался церемонией распития бургонского, придуманной Левиным -Витье. Все приглашенные должны были выпить вина, а кто пропускал очередной тост или не желал пить откупались. Мужчины деньгами, а дамы либо пением, либо декламацией стихов, либо поцелуем хозяйину праздника. Герцог появился в самый разгар попойки. Он как всегда был безупречен, и на глазах у всех откупился от церемонии полностью, чем произвел фурор среди дам. Для Левиной весь этот ритуал с распитием казался неуместным и несносным. И чувства Лизы не остались незамеченными де Лавуазье. Он подошел к ней в австрийском гусарском костюме, и взяв её под локоть, отвел в другую комнату.

– Вам дурно, моя леди?

– Немного, – собираясь с силами, проговорила Лиза, – герцог, вы обещали выслушать меня.

– Да, конечно, к вашим услугам, – герцог фальшиво улыбнулся уголками губ.

– Господин де Лавуазье, так не может дальше продолжаться. Я благодарна вам за оказанное внимание, и ваша учтивость достойна восхищения. Однако, всякие отношения должны иметь границы.

– Мое общество вас компрометирует? – герцог был немного удивлен, или хотел казаться таковым. – Мне следо-

⁴⁵ Соблазнитель, бабник, который посещает одиноких женщин в образе красивого мужчины

вало бы подумать об этом.

Левина смотрела на этого светского льва, и понимала, что чего – то не понимает. Неужели, она медлила разорвать эти отношения, только потому, что Бернар походил чем-то на барона Левина. В этом был парадокс. Левин воскресал в этих театральных жестах, в этих манерах, в азарте, горящем во взгляде герцога. И она пыталась снова вызвать к жизни эту историю, в которой уже однажды проиграла. Но вдруг, во второй раз она выиграет. Выиграет полностью и окончательно, и не случится никакой дуэли, не будет Юлии, и того унижения, которое она испытала в Петербурге. Будто та часть жизни была черновиком, а теперь без помарок можно переписать набело.

– Простите, герцог, я не хотела винить вас. Мне приятно ваше внимание, -замялась баронесса, понимая, что она сама причина этой ситуации.

– Помните, вы всегда правы, – Бернар опять улыбнулся своей белозубой фальшивой улыбкой. Де Лавуазье направился к двери, затем повернулся, пристально глядя в глаза баронессе.

– Позвольте узнать, как долго вы пробудете в Москве?

Левина неопределенно пожала плечами, мужчина поклонился, и поспешил уйти. Томас Райт преградил путь герцогу, спускающемуся по лестнице.

– Прогнала? Я же говорил вам, что сердце баронессы трудно покорить, даже вам мой дорогой друг. Очень строптивая

женщина, – усмехнулся Райт.

– Хотите пари, – де Лавуазье горячился.

– Хочу, – художник приготовился к спору.

– Через две недели, я объявлю о нашей помолвке, – пообещал герцог.

– Ставлю дюжину бутылок лучшего вина, если наша строптивная баронесса скажет вам «да», – Райт предвкушал свою победу, надеясь, что де Лавуазье проиграет, – но полагаю, герцог, вино придется присылать вам, потому что вы проиграете.

– Запомни, для меня нет неприступных крепостей, клянусь своей честью! – отрезал самодовольный де Лавуазье.

Прошло четыре дня. Фридрих Иванович приходил в себя после очередного дикого загула. Он лежал в гостиной под пледом и стонал, бормоча: «Enfant terrible». Эльза сидела в кресле у камина, и читала книгу иногда, поглядывая на барона.

– Что глядишь? Не видела немощного старика?

– Вы сами виновны в своих бедах, – тихо ответила женщина.

– Подумаешь. Да, я позабыл совсем. Там на столе письмо от герцога. Утром принесли.

Левина отложила книгу, и подошла к столику. Рука дрогнула, и письмо слетело на пол.

– Вот, растяпа, – прокомментировал Левин-Витье.

Лиза подняла письмо и прочла: «Эльза де Лавуазье герцо-

гиня Ангуемская. Не правда ли, звучит прекрасно. Мне хотелось, чтобы леди Эльза была рядом со мной. Все отныне ваше. Назначьте дату свадьбы. Я хочу объявить о нашей помолвке, как можно скорее. Мой слуга доставит вам кольцо, мой свадебный подарок».

– Ну что? – поинтересовался Левин-Витье. – Что-то важное?

– Возможно, – проговорила обезоруженная Эльза. На мгновение, ей, показалось, что настал её шанс переписать жизнь набело. Только показалось.

Санкт-Петербург. Анна с матерью и Верою прогуливались по заснеженным улицам столицы. Зима в этот год выдалась очень снежная, и метели случались, чуть ли не каждую неделю.

– На дворе уже февраль, а Эльза не дает о себе знать, – беспокоилась Ирина Муравлина.

– Пусть развлекается. Может моя свекровь, наконец, устроит свою судьбу самым достойным образом.

– Аня, чует мое сердце, что что-то случилось. Эльза никогда не любила дядю Фрица, считая его порочным человеком. И еще говорят, что Аделаида Михайловна видела её с каким-то франтом в Большом Петровском театре. Это не похоже на неё.

– Может этот франт просто сопровождал её, – прокомментировала Анна.

– Может. Однако, болтают, что они могут быть уже по-

молвлены, или собираются это сделать.

– Если бы это была правда, то ты бы, мама, узнала об этом первой.

– Я надеюсь, что ты права. Я хочу в это верить. Быстрее бы приехал Панютин. Я написала ему письмо, высказав свои опасения. Может быть, он уже едет в Москву, – Муравлина беспокоилась за подругу. Так уж она была устроена эта сердобольная хорошая женщина.

Эльза стояла у окна, глядя как на улице падали крупные снежинки. Москва выглядела, так словно кто-то накрыл её белым пушистым одеялом. Служанка принесла чай с кулебякой. Левина сидела у изразцовой печи, разглядывая золотое, с массивным изумрудом кольцо, которое прислал ей де Лавуазье герцог Ангуемский. Оно таинственно мерцало в отсветах горящих огоньков. Да подарок был очень дорогой. Но не стоимость этого подарка покорила Левину, а возможность начать новую жизнь, может быть даже ради этого переехать в Москву. Но, несмотря на то, что с внешней стороны все было достаточно пристойно и перспективно, баронесса чувствовала что-то угнетающее, что-то, что не давало ей спать, и противилось происходящему. Вдруг пришел слуга и доложил, что пришел Томас Райт.

– Приси. Я сейчас спущусь, – недовольно проговорила Левина.

Женщина заглянула в зеркало, поправила складки платья, и пошла навстречу гостю. Томас Райт не вошел, вбежал в го-

стиную, а кланялся, то кланялся. Про себя решая, проиграл ли он спор, или есть шанс выиграть. Женщина предложила гостю присесть на стул, а сама села, напротив.

– Чем обязана, милостивый государь? – Эльза с любопытством наблюдала за Райтом.

– Герцог заказал мне ваш свадебный портрет, я бы хотел сделать набросок.

– Но я еще не дала своего согласия, и даже о помолвке еще не объявлено, – возмутилась и последних сил баронесса.

– Чем же я повинен? Герцог мечтает о вашей свадьбе, – удивился Райт, – а парадный портрет быстро не напишешь.

– Простите, – Эльза постаралась успокоиться.

– Герцог просил поспешить с портретом. Он хотел бы отправить его в Амстердам в свой дворец, – пояснил художник, – он уже и задаток внес.

– Прежде чем договариваться о моем свадебном портрете, герцог должен был поговорить со мной, – проговорила потерянно Эльза.

– Вижу вы не в духе. Я лучше приду завтра, – Райт поспешил ретироваться.

Левина смотрела на то, как уходит назойливый Томас Райт, пытаясь вспомнить что-нибудь из своей прошлой жизни, но тщетно. Ни сын, ни имения, ни друзья не приходили ей на ум. Что с ней? Она не хочет быть в таком состоянии, но как с ним справиться. Женщина медленно пошла к лестнице, раздумывая над своей судьбой. Вдруг в комнату, неся

с собой морозный воздух, и ещё что – то совсем необходимое ворвался Петр Сергеевич Панютин. Мужчина скинул на пол тяжелый тулуп, было видно, что он спешил в Москву, несмотря на погоду. Лицо его от мороза покраснелось, глаза светились лихорадочным огнем. Эльза обернулась на шаги, и замерла совершенно пораженная.

– Петр? – только и смогла сказать она, поворачиваясь к неожиданному гостю. С минуту они стояли, глядя друг на друга, не решаясь заговорить, или приблизиться. Каждый из них надеялся, что другой сделает первый шаг, потому что волнение слишком сильно воздействовало на их решительность. По лицу Петра было видно, как в нем боролись любовь, ревность и страх быть отвергнутым в очередной раз.

– Я приехал, Эльза Львовна. Я приехал, освободить вас от своего предложения, – голос Петра предательски выдавал все смятение его сердца, – слышал, вы сделали свой выбор.

Эльза опустила взгляд, потому что впервые за долгое время почувствовала себя виноватой перед этим дорогим ей человеком.

– Почему, Лиза? – не выдержал Петр. И в его глазах засверкали неведомые доселе огоньки сильных эмоций. В голове Левиной вдруг зазвучали чьи-то назойливые слова: «Герцогиня Ангуемская, герцогиня, Эльза де Лавуазье». Она украдкой посмотрела на полковника, боровшегося со своими чувствами, и ждавшего с отчаяньем обреченного её ответа. Эльза молчала, а Петр понимал, что не может справиться-

ся с тем, что происходило в его сердце. Он резко наклонил голову.

– Разрешите откланяться, баронесса. Я понимаю, вы готовитесь к свадьбе, это требует времени. Я более не потревожу ваш покой, – Панютин поднял с пола свой тулуп, и развернулся к выходу.

– Петр! – голос Лизы походил на мольбу.

Полковник остановился, не спеша поворачиваться и не зная, что за слова он сейчас услышит.

– Увези меня отсюда! – вырвалось из груди Левиной вместе со слезами. – Где же твоя хваленая любовь, о которой столько говорят? Почему мне с ней невыносимо сложно!?

Петр не поверил услышанным словам. Он медленно повернулся, и посмотрел на плачущую любимую, все еще не понимая, что произошло. По щекам баронессы текли слезы, но она не отворачивалась, а смиренно смотрела на него, ожидая его ответа.

– И да, я принимаю твое предложение, я согласна быть твоей женой, Петр Сергеевич, – собрав последние силы, тихо проговорила баронесса. Руки полковника разжались сами, и тулуп опять упал на пол. Словно во сне, он подошел к плачущей Эльзе, и обнял её.

– Это правда, Лиза? – спросил, все еще не верящий её словам, Панютин.

– Правда, – выдохнула Эльза, роняя свои слезы на мундир мужчины.

Так они и стояли, не говоря ни слова, каждый думая о своем, и боясь спугнуть этот важный для них миг настоящей сердечной близости.

На следующий день баронесса Левина собралась очень быстро под упреки дяди Фрица, который считал, что она приняла слишком эмоциональное неправильное решение. Эльза уже сидела в дорожном экипаже, а Петр договаривался, о чем – то с кучером, когда к дому верхом на роскошном коне подъехал Бернар де Лавуазье, в ожидании полной победы. Он поднял коня на дыбы, красуясь в очередной раз, и хотел было спешиться. Но, полковник Панютин опередил его, и сев в экипаж крикнул: «Гони!». А баронесса Левина бросила на снег браслет из сапфиров и коробочку с кольцом. Это было сделать так легко, словно сбросить кандалы, даже такие изящные. Герцог подъехал к месту падения своих подарков, но поднимать их сразу не стал. Кто же хранит трофеи своего поражения? Но потом расчетливый ум герцога призвал хозяина забрать драгоценности, поднимая которые де Лавуазье осознал, что проиграл пари несносному Томасу Райту. Видимо не в это раз.

Санкт-Петербург. Апрель 1829 года. Дом баронессы Левиной. Аромат пирогов расплзлся по дому со стремительной скоростью. За столом чаевничали Павел и Ирина Муравлины, Вера, Анна, Эльза и Петр. Они смеялись и болтали.

– Женя пишет, что у него все хорошо, и он полагает, что война скоро закончится только он расстраивается, что его

полк не принимает активного участия в боевых действиях, – проговорила довольная Анна, уплетая пухлый пирожок.

– Говорят, герцог слыл отъявленным ловеласом⁴⁶, на что и спустил свое состояние. Он с позором бежал из России, спасаясь от долговой тюрьмы, – проговорил Павел Муравлин.

– Как Наполеон, убежал без оглядки, – добавила Аня, отхлебнув из фарфоровой чашки горячий чай.

– А барон Левин-Витье тоже говорят, скрывается от кредиторов, – добавила Ирина, – вот тебе и великолепный дядя Фриц.

Пётр то и дело довольно поглядывал на свою будущую жену – баронессу Левину. Они решили венчаться после Великого поста. Так захотела его любимая Лиза, и полковник Панютин согласился на это довольно осознано. Он понимал, что для настоящего счастья нужно Божье благословение. Эльза с удовольствием отвечала на страстные взгляды будущего мужа, она училась тому, чего никогда не делала, училась принимать и понимать этого мужчину. Это был не расчет, не рассудочный выбор, а любовь, которая давно началась маленьким ручейком, ручейком, неоднократно пересыхавшим и замирающим в сердце баронессы. И теперь этот ручеек постепенно креп, внося в жизнь Эльзы новые грани эмоций и необходимостей. «Только граф Формер затаился, как змея, смакуя свою месть, которая придавала смысл его жизни» – подумала Эльза. Левина следила за разговором и

⁴⁶ Искатель любовных побед и приключений

молчала, ей было хорошо. И почему это она раньше не думала, как дороги ей все эти люди, и как тепло ей с ними. Петр улыбался. Таким его давно никто не видел. Вместе с одной радостью пришла и другая, его повесили до штер-кригкомиссара. Баронесса смотрела на него, и мысленно представляла, как барон Левин кланяется ей, разворачивается и уходит из комнаты. Барон не обернулся, потому что ушел навсегда. Эльза улыбнулась, так бывает, когда ты понимаешь, что для тебя, наконец, начинается новая счастливая жизнь.